

Мон. Ре Ми

*Я хочу быть другом
человеком*

Четыре
шрама тени

4

Мон Ми

Четыре шрама тени

<https://litres.ru/73444819>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Оремидоре люди с талантами к творческой искре, зовутся Уникалами. Их импульс зажигает сердца и движет прогресс. Уникалы - свет Оремидора, но где есть свет, обязательно появляются Тени.

Главная героиня, Рада, с детства носит на теле шрамы от ожогов, что мешают жить и заниматься творчеством, ведь все продолжают оценивать людей, как книгу по обложке. В идеальном мире уродству нет места, и Рада становится изгоем. Но жизнь меняется, когда в её школе появляются Уникалы, что выше буллинга и унижений. Девушка Уникал Ада с первого дня набивается в подружки, а парни, Давид и Стефан, просто дружелюбны.

Один из них преследует скрытую цель. Но помощь приходит откуда не ждали.

Сможет ли Рада различить, кто союзник, а кто враг?

Отличить истинную дружбу от фальшивой маски?

Найти силу в любви, или сгореть заживо в огне предательства?

Заняться тем, что зажигает душу, или плыть по течению покорности?

Узнать правду, и найти смелости, чтобы принять её.

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	10
Глава 2.	20
Глава 3.	43
Глава 4.	57
Глава 5.	75
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Мон Ре Ми

Четыре шрама тени

Пролог.

Я здесь.

Мои глаза слезятся от восторга, а сердце волнительно громко стучит, пока трясущейся рукой я заполняю документы. Двенадцать часов и всё останется в прошлом.

Уродина.

Чудовище.

Страшила.

Малый список прозвищ, что исчезнут бесследно. Я проснусь нормальным человеком, без уродливых шрамов на лице и руках. Стефан сказал, что я не первая, на ком будут испытывать этот аппарат, а значит вероятность полностью восстановить лицо близится к ста процентам.

Медицинский центр пропитан передовыми технологиями, воздух благоухает талантом. Здесь много света, стены украшены великолепными картинами, а широкое пространство венчает искусственный водопад. Успех льется из каждой детали – это сложно объяснить, но вся обстановка настроена так, что тебя буквально опьяняет вдохновение, начиная от переливов музыки и заканчивая солнечными бли-

ками, что отражаются от нереальной скульптуры из стекла и металла. Это не медицинский центр, а настоящая Обитель талантов. Место, где зарождается прогресс.

Меня встречает группа улыбчивых лаборантов, и любезно проводят экскурсию по залам центра.

Кстати, Михель ошибся – они не смотрят на меня как на объект для опытов, но искренне желают помочь. В одном из залов меня знакомят с работой капсулы и показывают результаты прошлых пациентов. Глаза наполняет новая порция слёз, когда я слышу заветные слова:

– Вы проснётесь другим человеком.

Моё нетерпение достигает апогея, я готова хоть сейчас лечь в их капсулу, чтобы как можно скорее достичь эффекта. Заметив, как я взволнована, они рассмеялись.

– Думаю, можно провести остальные церемонии после процедуры, – улыбается лаборант и, с соглашения коллег, провожает меня в комнату, где я должна переодеться в специальную полупрозрачную тунику.

Легкая, словно сотканная из паутины и едва прикрывает тело. В отражении огромного зеркала я вижу себя – уродливые шрамы на руках, что перетекают на плечи и шею. Кожа растянута и сбита, как у старухи или трупа. Моя грудь вздымается от частного дыхания, а изуродованные обожжённые губы растягиваются в довольной улыбке, создавая непривлекательные складки возле скул.

Я проснусь другим человеком.

Вот мама удивится, когда увидит свою дочь красивой! А Михель будет ворчать, из-за того, что я не послушала его. Только ему больше не придётся защищать меня от постоянных выпадов и косых взглядов.

Избавившись от шрамов, вся моя жизнь круто перевернётся, я смогу стать успешной.

Я успешная...

Пока это ещё кажется чем-то нереальным, но, возможно, открыв миру лицо, я смогу открыть и сердце? Больше не стану скрывать свою любовь к музыке, танцам и мир примет меня.

Проходят последние приготовления; в те области, что покрыты шрамами, на тело наносят холодный гель, и помогают забраться в капсулу, наполненную прозрачными шариками.

– Когда капсула закроется, подадут сонный газ. Вы проспите двенадцать часов, без сновидений, – улыбнулся ассистент. – Уже придумали, как отметите своё второе рождение?

По поводу завтрашнего дня у меня в голове миллионы мыслей, десятки лиц, сотни восторженных и возмущенных фраз, и в их потоке я теряюсь, что ответить. Отметив моё замешательство, ассистент продолжает:

– Ничего, примете решение утром. Капсула откроется автоматически, а мы с коллегами будем встречать ваше пробуждение. Что обычно предпочитаете на завтрак?

Вспоминая свой скудный утренний рацион, я снова за-

мешкалась. Открыла и закрыла рот, не зная, что выбрать, из чего вообще выбирать.

– Приготовим изысканное ассорти, – решил за меня ассистент, вводя последние данные в компьютер. – Чай, кофе или горячий шоколад?

– Чай, зелёный, – улыбнулась я, пытаюсь расслабиться в окружении прохладных шариков.

– Вот и всё, приятного отдыха, – улыбнулся он и закрыл капсулу.

Один, два, три, четыре... пять... ше-е-есть...

Пробуждение сопровождается грохотом, шумом и неприятным треском. После слышу, как что-то огромное бьется с оглушающим стеклянным звуком.

Меня сотрясает и охватывает чувство тяжести в области живота – кажется, меня сейчас вырвет. Вокруг уйма тревожных звуков, доносящихся как будто из-под воды. По сути, я нахожусь в аквариуме, и звуки здесь искажены. Вдруг моё тело сотрясается кем-то вновь, а чувства медленно возвращаются. С трудом открываю глаза, но веки непослушно смыкаются обратно.

Всё плывет, глаза наполняются влагой, а в нос ударил резкий запах дыма. Кто-то трясёт меня за плечи, от чего меня мутит с новой силой и всё-таки рвёт...

– Проклятье, – ругается знакомый голос. – Я так и знал... Рада, возьми себя в руки!

Мне вытирают рот тёплой ладонью, без единой капли брезгливости, но я всё ещё не понимаю, что происходит. После газа сознание затуманено.

– Приди в себя! Рада, нужно уходить, сейчас же...

Я правда пытаюсь прийти в сознание, но едва руки отпускают мои плечи, падаю обратно в капсулу. Вдруг раздаётся громкий незнакомый бас:

– Стоять, или я стреляю!

Следом глухой удар. Звук борьбы. Пара оглушающих выстрелов, от которых у меня звенит в ушах... С трудом поднимаю голову, замечаю разгром, и яростную борьбу двух человек. Один из них берёт верх над противником, и двумя мощными ударами в лицо вырубает другого.

Едва успеваю осознать, что происходит и рассмотреть знакомый образ, как он вытаскивает меня из капсулы и накрывает плащом, скрывая голову капюшоном.

Машинально удерживаю край одежды, и тут мой взгляд замирает на руке.

Теперь она имеет красивую, ровную, бархатистую кожу, но вопросов становится ещё больше...

Глава 1.

Очередной утомительный, наполненный болью и унижениями день, подходит к концу. Сумка на пол, ключи от квартиры бросаю на тумбу, кроссовки – просто прочь. Пролетаю мимо ненавистного зеркала прямиком в ванну, на ходу стягиваю перчатки и маску. *Как я их ненавижу.*

Умываюсь, стараясь смыть с себя не только городскую пыль, но и часть мыслей. Снова зеркало, в котором я вижу свой потухший взгляд... Я думала, что в высшей школе будет лучше, и среди практически зрелых людей я не буду чувствовать себя изгоем, но ошиблась. Семнадцатилетние не особо отличаются от пятнадцатилетних, а те от десятилеток, и так далее, вниз... Наш мир продолжает воспринимать людей по внешней привлекательности, хоть и трубят на каждом углу о талантах, что превыше обложки.

Абсолютная ложь, ведь чтобы раскрыться таланту, нужна определённая среда, но когда тебя с порога угнетают...

– Рада, ты дома? – звучит спокойный голос мамы из прихожей. Вопрос скорее штатный, и я продолжаю спокойно вытирать своё ненавистное лицо и руки. – Как дела в школе?

Очередной штатный вопрос. Мама на автомате пролетает мимо ванной, останавливается, замечая меня, целует коротким, но нежным поцелуем обе мои изуродованные щёки и бежит дальше на кухню. Её темные, почти чёрные волосы

распущены и слегка завиты на концах, и тот самый парфюм, она снова ходила на свидание с очередным неудачником.

– Как обычно. Ничего нового, – я хмурюсь, при воспоминании дня и разогреваю ужин.

– Скоро завершение первого полугодия, ты завела друзей? – мама безмятежно оглядывается на меня, раскладывая покупки.

Видимо свидание не совсем провальное – карие глаза светятся, кожа сияет задорным румянцем. Моя мама привлекательна – начиная от миниатюрной фигуры, заканчивая милым личиком. Непонятно, кем был мой отец, но с ростом мне очевидно повезло – я высокая, гораздо выше многих девочек на потоке, и это огромный минус, ведь дылде спрятаться сложнее.

– Мне не нужны друзья, – парирую я, опуская голову к чашке.

– Тебя не принимают? – чуть уверенней говорит мама, стоя ко мне спиной. – Они просто не знают тебя, какая ты замечательная, умная...

– Мам! Там все такие, школа же перешла в статус глубокой творческой спец подготовки! А я... если ты позволишь мне петь...

– Нет! – она резко развернулась, её пылающий тревогой взгляд округлился. – Нет. У нас нет лишних средств на творческую чепуху и вообще, лучше не выделяться.

– Мам, то, что я открою рот, не значит, что я стану кем-

то вроде *Уникалов*.

Протест в лице мамы возрос стократ, едва слово *Уникалы* сорвалось с моих губ. Она боится их как огня, а всё из-за того, что один обманул её, и этот *Уникал*, скорее всего, мой биологический отец.

– Тогда танцы? Я же могу танцевать? – продолжила я, поджимая изуродованную обожжённую нижнюю губу. – Ну хоть в писательский кружок могу записаться?

– Рада, пожалуйста, не нужно! Они... ты не знаешь, как жестоки эти люди. В их мире нет места чистоте и доброте. Ко всему, я уже договорилась в больнице о твоей практике. Ты сможешь ещё перед поступлением в медицинский начать работать!

– Мам!

– Рада!

Она упряма как я, ну или наоборот, и на этой почве мы всё чаще не находим общий язык. Она не понимает, что в школе, где каждый второй стремится выделиться и развить талант, быть изуродованной дылдой без талантов – *это изгой навсегда*. Раздался противный звонок в дверь, я бросила ложку и под внимательным маминым взглядом пошла открывать.

На пороге сначала появляется довольная морда золотистого ретривера – пес-поводырь моей единственной подружки. Светлые, почти белые волосы и ресницы, белая кожа, и светло-серые, слепые глаза – Сильва красавица, но ей не повезло, как и мне.

– Проходи.

– Ты уже дома! Я шла наугад, но мне снова повезло...

Я помогаю ей скинуть куртку и едва слышно уточняю, что мама ещё дома.

– Тогда, посмотрим телевизор? – спрашивает подруга, улыбаясь.

Киваю, беру её за руку и увожу в свою комнату. Сильва любит смотреть телевизор именно со мной – ей нравится мой голос. Мы отключаем звук, и я работаю вместо диктора, читая бегущую строку, или поём в караоке, но только тогда, когда мамы нет дома. Она хоть и полюбила Сильву, а мои увлечения продолжает пресекать. Мама не знает, но в тайне от неё я продолжаю заниматься тем, что прожигает мне душу. *Я не могу жить без творчества.*

Сильва осторожно ощупывает мой стол и садится в кресло, мы включаем телевизор. Пока новости.

Я улыбаюсь, настраивая голос, не стесняюсь размять уродливую кожу шеи, что местами натянута как у столетней женщины, а местами сбита в уродливые узлы. Мои ожоги – дар молодой матери. Кипяток, что коснулся кожи младенца, волею несчастной судьбы.

– Сегодня в Окулиусе прекрасная погода, конец января обещает и дальше радовать нас умеренно тёплой температурой, – официально произношу я, пародируя известную ведущую, и лицо подруги начинает сиять. – Главные новости Ореמידора. В Авелии новая волна протестов, вызван-

ная творчеством так называемых *Теневых*. Уточняется, что некая группа, чьи личности неизвестны, создают опасную, радикальную музыку и песни, что вводят людей в состояние гипнотического транса. Напоминаем, что на прошлой неделе произошло сразу пять случаев самоубийств разного характера, но их объединяет одно – погибшие перед смертью слушали творчество *Теневых*. Мы не можем включить этот трек в прямом эфире, потому что переживаем за вашу безопасность.

Я сглотнула и нахмурилась, к концу предложения мой голос сел. Наш мир давно изменился, стал практически совершенным, благодаря *Уникалам* – людям, рождённым с особенными талантами к творчеству. Их голоса, картины и скульптуры создают направление движения для целых поколений. От них зависит наше настроение, они задают ритм жизни. Долгое время они создавали атмосферу мира, но появление неких *Теневых* ставит мир в шаткое положение.

– Можешь не верить, но я чувствую, как ты хмуришь брови прямо сейчас. Давай лучше погуляем? Я нашла прекрасное местечко, где совсем нет людей!

Сильва знает, что я ношу маску, знает, что у меня шрамы на лице, руках и шее. Она знает про меня всё, и даже то, что я скрываю от мамы свои тайные увлечения. С подругой я чувствую себя живой и не притворяюсь другим человеком. Стыдно признаться, но я знаю её немного хуже. В Окулиус переехали в начале учебного года, но из-за работы родите-

лей постоянно меняют города. Сильва слепая с рождения, её кожа плохо переносит прямые солнечные лучи, и до недавнего времени она была одинока точно также, как я.

Ещё она любит долгие прогулки и слушать мелодии ветра – Сильва утверждает, что ветер на самом деле не только композитор, но и певец. Я соглашаюсь, но сколько не сижу с закрытыми глазами рядом с ней, не могу услышать и почувствовать то, что она.

Вот и сейчас, в безлюдном месте возле небольшой журчащей речушки, я стараюсь проникнуться, и начинаю потихонечку петь. Некоторое время Сильва слушает мой голос, а потом улыбается и кладёт руку на моё плечо:

– Ты снова сдерживаешь себя. Твои лёгкие не раскрываются, и ты поёшь в пол силы.

– Ну, а вдруг кто услышит? – стеснительно озираюсь по сторонам я, говоря шепотом. – Если кто-нибудь из маминых подруг узнает, что я пела на улице в парке, мне устроят скандал.

– Странная у тебя мама. У тебя ведь определённо талант, почему она не даёт тебе шанс?

Шмыгаю носом и задумчиво смотрю на воду, а подруга мечтательно продолжает:

– Если бы у тебя был выбор, с каким даром *Особенных* ты хотела бы родиться?

– Сложный вопрос. Наверно от того, что всё под строгим тревожным запретом, мне нравится всё! А ты?

– Я... – она поднимается и осторожно прощупывает поверхность земли рядом с собой. – Я бы танцевала под музыку ветра...

Она начинает танцевать – её руки плывут по ветру словно ленты, тело раскачивается в мягком такте. Сильва и представить не может, как она прекрасна в этот момент – я видела танцы Уникалов сто раз, но никто не чувствует музыку так, как моя слепая подруга. Я смотрю на блики солнца от воды на её распущенных белых волосах, и чувствую странное тепло под кожей. Слова сливаются в рифму, я начинаю петь, и неизвестная ранее мелодия срывается с моих губ в совершенно новую песню, ту, что я придумала *здесь и сейчас, вдохновлённая танцем.*

По коже разливается волна ужасно приятных мурашек – я чувствую себя другим человеком, ощущаю себя свободной. Мир вокруг замирает, есть только мы и наше внезапное вдохновение...

Вдруг Сильва замирает, и я остававливаюсь месте с ней – по тревожному выражению лица я понимаю, что мы не одни.

Озираюсь, и успеваю заметить только быстро мелькнувший высокий силуэт.

– Кажется, это был мужчина, – вздыхает Сильва и тихонечко садится обратно. – Ты пела словно ангел.

– А твой танец заставил бы нимф смущённо спрятаться и больше ни-ког-да не танцевать. Твои родители не против, чтобы ты занималась, так почему бы не начать?

– Сама не хочу. Да и зачем? Проводить время в кругу твоих обидчиков, где все соперничают между собой? Нет, мне хватает рассказов о буллинге. И где гарантии, что они поймут таких, как мы.

Я ещё пару раз тревожно оглядываюсь, не покидает ощущение, что за нами продолжают наблюдать, а рука уже тянется к ненавистной маске, но её перехватила Сильва.

– Расслабься, он ушёл. Это просто случайный прохожий. Посмотрим, что нового на просторах интернета? Побудь ещё моими глазами, пожалуйста!

Она с детским восторгом треплет меня за предплечье и я, смеясь, достаю смартфон.

В прошлый раз ей безумно понравилось выступление одного новенького блогера, из *первой касты Уникалов*. Он нашего возраста, учится, как и остальные *одарённые* в закрытом заведении Ореמידора. Он только в начале своей блестящей, полной творчества и волшебных моментов, жизни.

Касты Уникалов – это их уровень значимости. Высшую, первую касту, занимают певцы и дикторы – те, кто имеет особый голос, способный своим магическим тембром зажигать сердца, подчинять или влюблять в себя с одной лишь фразы. С рождения у таких Уникалов отличительный знак в виде бусинки на нижней губе. Среди этой касты много девочек, которых в народе прозвали *Сири́н*. Мальчики, *Сираны*, рождались реже, но вырастая, голоса этих мужчин обладают особым магическим шармом, противостоять которому не

способен никто.

Левиафан – псевдоним сияющего Уникала с ярко-алыми волосами и синими, словно лёд, глазами. На его нижней губе бусинка, похожая на каплю. Он появился в сети всего несколько дней назад, и удивительно, насколько резко взлетела его популярность.

– Знаешь, Сильва, кажется, у тебя особый талант подмечать среди Уникалов самых выдающихся, – я включила его последнее обращение, и улыбка подруги стала мечтательной. – У него уже несколько сотен тысяч подписчиков. Настоящая звезда.

– И красавчик, – кивнула Сильва, положив голову мне на плечо. – Ты приуменьшила его привлекательность. Я кожей почувствовала это в твоём голосе.

– Однако это не помешало кому-то влюбиться, – улыбнулась я. – Знаешь, он слишком идеален. Таких людей не бывает.

– Уникалы все такие, – возражает подруга, дую губы.

– А вот и нет! Как же тот, лысый, что поёт песни для бабушек?

Подруга пихнула меня под ребро. Левиафан напевает красивую песню о весне и любви, и у меня по коже бегут мурашки.

– Тот Уникал даёт бабушкам надежду на светлую старость! Ну а время, знаешь ли, никого не щадит. Неизвестно, какими мы будем в его возрасте.

– Ну мне вообще не стоит за это переживать! Состарившись, надеюсь, мои шрамы перестанут так цеплять людям глаза!

Мы сидели на берегу, пока не замёрзли, слушая лиричные песни Левиафана и обсуждая его внешность. Я была глазами Сильвы, и старалась передать ей внешнюю картинку певца, хотя его исполнение настолько волшебно, что видеть его – совершенно лишняя деталь.

Мы познакомились и стали подругами чуть больше полугода назад, но это тот случай, когда ощущение, что знаешь человека всю жизнь. Как приятно, когда рядом родная душа.

Мы с ней как две половинки, чьи неровные, поломанные края создали идеальную форму.

Глава 2.

Новый день, который мне нужно просто пережить. Сегодня много творческих предметов. С тех пор, как школа углубилась на выявлении талантов, учиться стало труднее, особенно тем, кто не особо выделяется одарённостью. Первым идёт занятие по художественному искусству, и для меня это наказание. Кстати, среди Уникалов, художники и скульпторы стоят в той же первой касте, что и певцы. Они невероятны – их глаза имеют золотистую радужку, и они творят потрясающие шедевры буквально на чём угодно и любыми подручными средствами.

– Сегодня натюрморт. Ознакомимся с знаменитыми работами и попытаемся повторить их успех! – воодушевлённо произнёс преподаватель, расставляя изображения, поражающие чистотой красок, реалистичностью и чувством композиции.

– Вы поскромничали, нужно было сразу нести нам работы Фейрин! – раздался громкий насмешливый голос справа от меня.

Я не единственная изгой-одиночка, что не приняли в обществе. Нас минимум двое.

Речь о Михеле, чей рост ещё выше моего, а бунтарский характер плещет через край. Как и я, он занимает место в последнем ряду, но одевает наушники и живёт на своей вол-

не. В отличие от меня, он сам выбрал путь отшельника, и судя по наплевательскому отношению, его всё устраивает.

– Михаил, если...

– Михель! – перебил преподавателя бунтарь, вскидывая голову так, что видна шея и челюсть, исписанные мрачными татуировками.

– Если вас что-то не устраивает, мы можем обсудить это в другом месте, – строго добавил преподаватель. – Мои занятия не обязательны для посещения, и вас никто не держит.

– Мне нравится рисовать, – усмехается Михель и потирает горбинку носа, рассматривая преподавателя холодным серым взглядом. – Но Фейрин всё-таки принесите. Если учиться, так у лучших! Зачем нам промежуточные варианты слабых Уникалов?

Преподаватель кивает, не желая продолжать этот разговор. Все знают, что дискуссии с Михелем могут длиться целый час.

Я подготавливаю холст и затачиваю карандаши, как вдруг ловлю на себе внимательный взгляд – Михель. Поправляю маску, подтягиваю перчатки, и стараюсь сосредоточиться на первых штрихах, а он продолжает безмолвно и бесцеремонно смотреть в мою сторону.

Мы никогда прежде не общались, и я озадачена, чем вдруг привлекла его внимание. Разве что, ему настолько скучно сидеть на занятии, что он решил присоединиться к отряду тех, кто задирает мои недостатки.

Я не выдерживаю, и отвечаю ему таким же прямым упрямым взглядом, ожидая, что он или отвернется, или раскроет свой рот. Ничего нового он сказать не сможет, я знаю весь набор обзывательств и указаний в сторону своей непривлекательной внешности.

– У тебя нет пары лишних карандашей? – говорит он.

Я ошарашенно моргаю, но беру два запасных карандаша и протягиваю ему.

– Можешь не возвращать, – добавляю я, и принимаюсь за работу.

– Что? – он нагибается чуть ближе, как будто не расслышал.

Я раздраженно повторяю, он смотрит на мою чёрную маску, прикрывающую рот и нижнюю часть изуродованного лица, а его губы растягиваются в подобии улыбки.

– Тебе эта штука мешает. Зачем ты её носишь? – он жестом изображает маску возле своего лица, и улыбка становится увереннее.

В легком шоке от подобного, я начинаю рисовать, стараюсь не хмуриться. Давно всем известно, по какой причине я выбрала такой стиль, и подобные расспросы сроду издевательства. Он покрутил карандаш в руках, задумчиво рассматривая меня ещё пару минут, а потом достал из своей сумки резинку для волос. Его тёмно-русые прямые волосы ложатся ниже плеч. С его стороны раздается щелчок и короткое ругательство.

– Рада, у тебя резинки нет?

Вздыхнув, я протягиваю ему ластик, не отвлекаясь от работы.

– Да нет же, для волос!

– Михаил, у вас какие-то проблемы? – произносит преподаватель, стуча тупым концом указки по столу.

– У меня? Спасибо, всё хорошо. А у вас?

– Прекратите разговоры!

– Тогда вам придётся закончить его первой, уважаемая преподаватель! – продолжает паясничать Михель, и возвращается ко мне. – Рада, я жду.

Я раздраженно стягиваю со своих тёмных, почти чёрных волос резинку и бросаю ему. Он ловко ловит и без зазрения совести завязывает ей свои. Наконец он отстал, и минут сорок я спокойно выводила линии, стараясь в карандаше поймать тени и свет. Получилось плохо, тут и добавить нечего. Преподаватель критично рассматривала работы каждого, давая советы, как улучшить технику, как добиться лучшего результата. Я волнительно ждала её вердикта, на что преподаватель только коротко улыбнулась и прошла к месту Михеля.

– Мы рисовали натюрморт, а не портрет. Сегодня ваша оценка неудовлетворительно, – улыбнулась преподаватель.

– Да всё равно, я рисую то, что хочу, – дерзко ответил Михель.

– На уроках права вам не говорили, что такие вещи нужно рисовать только с согласия модели? – преподаватель кинула

в мою сторону нервный взгляд.

Несколько любопытных учеников встали, чтобы оценить творчество Михеля, их брови вздергивались вверх, а взгляд переходил в мою сторону.

– Говорили, – Михель поднимается, срывает работу с мольберта и скручивает её.

Затем скидывает принадлежности в сумку, стягивает с волос резинку, чтобы закрепить ватман скрученным, и неожиданно протягивает мне.

– Права не нарушены, – он пихает свёрток мне в руки и под шептание и смех покидает аудиторию.

Меня трясёт от лишнего внимания, и я сбегая вслед за ним, стараясь не слышать дурацких замечаний. Следующее занятие проходит размеренно, я только дважды слышу в свой адрес нелестные слова, один из которых касается свернутого ватмана, который я зачем-то не выкинула и продолжаю носить с собой. Страшно подумать, какую карикатуру изобразил Михель, но я решила, что посмотрю его работу дома, чтобы приговор не отразился на моих глазах.

– Правильно, Уродка. Изгоям стоит держаться вместе, – в аудиторию вошла главная задира среди девчонок, Валерия. – У него совсем крыша поехала, раз посмотрел на такую Страшилу.

Она презрительно уставилась на меня, остановившись в проходе рядом, и свысока рассматривала шрамы, которые не скрывал ворот водолазки. Кажется, у неё сегодня плохое на-

строение, и она решает задержаться возле меня подольше. В свою очередь я вздыхаю и спокойно отвечаю на её взгляд.

– Что смотришь? – тут же грубит Валерия.

– По-моему, ты начала первая.

– Раз прикрыла рот тряпкой, то сиди и помалкивай, пока совсем не сгорела, – чуть агрессивнее отвечает Валерия и тянется к моему лицу, чтобы сделать какую-нибудь пакость.

Моя рука оказывается проворнее её, а пальцы, привыкшие к барабанным палочкам, сильнее. Я не стала дожидаться, пока она сорвет с меня маску, или наоборот, натянет мне её на глаза. Перехватила и вывернула, с лёгким хрустом, исказив милое лицо с голубыми глазками в гримасу боли и страха.

– Бешеная! – заорала она, хватаясь за пальцы другой рукой. – Готовься к неприятностям, сука.

В ярости стуча каблуками, она махнула длинным рыжим хвостом и выбежала из кабинета, едва не сбив с ног преподавателя. Ему не составило труда выяснить, что происходит, и меня выставили вслед Валерии, но к декану. Разумеется, все сразу позабыли, кто первой начала ссору и какими словами Валерия раскидывалась.

В ожидании разговора я сидела возле кабинета, постукивая свернутым ватманом по ладони в мягкой перчатке и от нечего делать перечитывала известные всем лозунги про Уникалов:

Их появление стало переломным моментом для всех

стран Ореמידора, вместо войн и оружия массового поражения начали использовать творчество.

Потрясающее влияние Уникалов на сознание, оказывает положительный эффект. Вдохновение, что они несут через творчество, заразительно. Они разжигают в сердцах людей способность творить, создавать новое, уникальное и полезное.

Наступила эра Уникалов, и власть стран выстроилась совсем по другой системе. Теперь успешность зависит от талантов – в таких странах лучшие учёные и самые передовые технологии, они подчиняют себе природу, время и задают моду всему остальному миру.

Бесконечная череда событий начинается с одной мысли одарённого.

Тонкие нити связали всех в незримую паутину, где музыка вдохновляет писателей, те в свою очередь зажигают сердца широких масс. Невероятные истории побуждают учёных на новые изобретения, скульпторы и художники создают невиданные ранее шедевры, которые запускают очередную волну творчества в сердца простых людей. Действуя в позитивном ключе, эта цепочка не знает конца.

Прочитывание истории в сотый раз прервал Михель, грузно развалившись на одной скамье рядом со мной. Вероятно, его выгнали с занятия, но по всему понятно, насколько он равнодушен к такому повороту. Объёмные наушники с громкой музыкой, жвачка, невозмутимый взгляд вперёд.

Я отодвинулась подальше, почувствовав, что нарушены мои границы, и продолжила читать затёртые брошюры.

– Ты играешь? – неожиданно спросил он, и я с удивлением повернула голову на него. – Любишь музыку?

– Нет, – соврала я, и мои глаза предательски забежали.

– А могла бы. Отличный бит выдаёшь, – он кивнул в сторону холста, а я не сразу поняла, в чём дело.

Помимо глухого постукивания, я начала подрагивать ногой, создавая стук каблуком. Тайком от мамы я играю на барабанах, и только сейчас поняла, что невольно исполняю один из полюбившихся ритмов.

Михель снял наушники и опять уставился на меня. Надеюсь, Валерия последний человек за сегодня, кому я вывернула пальцы.

– Слушай, как это вышло? – он с прищуром глядит на меня серыми глазами, в которых неподдельный интерес.

– Вышло что? – равнодушно протягиваю я, переводя на него раздражённый взгляд.

– Ожоги.

– Тебе зачем? – я поджимаю губы под маской.

Он хмыкает и отворачивается.

– Да просто так, интересно.

– Почитай историю Ореמידора, там действительно много интересного, – я грублю, потому как мне противно обсуждать нелепость, из-за которой я всю жизнь нахожусь в особом статусе.

Да и нечего рассказывать. История в четырёх словах: *мама пролила на меня кипяток. Конец.*

– Сними маску, а то не слышно, – хмыкает он.

Я взрываюсь, вспоминая слова Валерии о тряпке.

Из кабинета выходит наш декан – высокий, хмурый седовласый мужчина, в чертах лица которого отпечаталась строгость. Он смотрит на нас некоторое время, а потом, вопреки очереди, приглашает Михеля. Я недовольно прицокиваю, но продолжаю ждать. Судя по их разговору, парень не собирается раскаиваться и твердо стоит на своём. Михель частый гость в кабинете декана, не для кого не секрет, что помимо вечных споров с преподавателями, у него хромает учёба. Ко всему он игнорирует школьную форму, часто приходит одетым в неформальную одежду – кожаные штаны и куртка. Иногда может позволить себе шорты до колен и тонкую футболку, демонстрируя всем, что на нём почти не осталось места для новых тату.

Разговор в кабинете едва не переходит на крик, дверь распахивается, и Михель с яростью во взгляде пронесется мимо меня.

– Михаил, я жду твоего отца! – кидает ему вдогонку декан, лицо которого пунцовое от злости. Он замечает меня, думает с пару секунд и отпускает.

Воодушевлённая везением, я сразу отправляюсь в кафетерий, совсем скоро прозвенит звонок, и возвращаться в аудиторию просто нет смысла. Коридоры пусты, и я тайком от

всех пританцовываю, напевая себе под нос короткую песенку о том, как мне повезло. Она ложится на барабанный ритм в идеальную симфонию и вот, в моей голове уже созрела новая песня. Жаль, что её никто не услышит, но на всякий случай запишу. Сильве точно понравится.

Я останавливаюсь и достаю из кожаного рюкзака блокнот и ручку. Симфония почти записана, раздался звонок, и пустые коридоры взорвались сотней голосов и топотом. Привыкшая к косым взглядам, не обращая внимания, я дописываю симфонию на ходу.

Возле кафетерия мне везёт второй раз за сегодня – я дышу *ему* в спину...

Светловолосый, высокий, с пронзительными голубыми глазами – если бы Лев родился певцом, то не открывая рта мог покорить весь мир. *Мой краш, моя тайная зависимость.* Я и мечтать не смею, что между нами могут возникнуть чувства. Красота и уродство не совместимы. Тайком люблюсь на его правильный профиль, страшась своих порочных мыслей... Его кожа похожа на бархат, а пышные тёмные ресницы способны свести меня с ума.

Он оборачивается, и я почти успела спрятать взгляд. Поправляю маску и опускаю голову, словно желая стать невидимкой. Кажется, для Льва не проблема не замечать уродство – он выглядывает в конец очереди поверх меня и кому-то машет. Одобрительная улыбка и светлый взгляд следят за тем, кто идёт в его сторону. Я с неудовольствием заме-

чаю рыжий, почти как у лисы, хвост, и отворачиваюсь на меню. Однако Валерия не делает мне одолжения, и с удовольствием тычет мне в плечо подносом.

– Эй, обгорелая! Сдвинься в конец очереди, ты портишь людям аппетит своим уродским видом.

– Лера, нет... – голос Льва мужественный, но мягкий, и я бы всё отдала, чтобы он произнёс таким тоном моё имя. – Встань передо мной. Всё в порядке.

С этими словами он отодвигает Леру вперед. Красавчик. Я мысленно отвесила ему поклон – поступок, достойный мужчины. Успокоил свою истеричную подругу.

Такие счастливые моменты в моей школьной жизни редкость, и я мысленно благодарила Тихе, за тройную удачу.

Обед прошёл без унижений и выпадов в мою сторону. Выбрала место в самом дальнем углу, чтобы снять маску, перчатки и спокойно поесть, спиной к залу, рассматривая вид из окна. Сегодня будет что обсудить с Сильвой, нужно порадовать её этим практически спокойным деньком. Впереди ещё два занятия, и надеюсь, я не слишком рано радуюсь. Я улыбаюсь, представляя реакцию подруги на новую песню, и ловлю в отражении стекла свои уродливые губы.

Я мечтаю стать другим человеком. Почему не покидает ощущение, что внутри меня заперт кто-то сильный и яркий, а моё отражение – блеклая оболочка?

Почему богиня удачи Тихе, отвернувшись от невинного младенца, и кипяток изуродовал тридцать процентов моего

тела?! Мне не поможет пересадка, да и такая операция не по карману дочери медсестры.

В мою голову что-то влетело. Я зло обернулась, забыв о маске.

– Фу, страшилище! – с хохотом убежала группа подростков из средней школы.

Сдержав гнев, я возвращаю свой стильный лук, стараясь заглушить в голове их дурацкий смех и слова.

Сейчас урок танцев, и это ещё более для меня, чем художка, ведь я обожаю танцевать, но не могу. При мысли, что на меня будут глядеть в отражении зеркала те, кто презирают меня, я и в заднем ряду спотыкаюсь и сбиваюсь с ритма. Дома, наедине с собой, всё получается идеально, но не здесь. Мои неудачи, мой вид, рост – *комбо для насмешек*.

Я не торопилась, мне нравятся пустеющие коридоры. Вдруг впереди, навстречу мне показался невероятный по своей природе мужчина – его янтарные глаза и серебристые локоны у висков издали выдали в нём Уникала. Я остановилась, словно увидела призрака, и продолжала пристально рассматривать его. Такие глаза у художников или скульпторов, а мистичные пряди принадлежат к касте актёров. Уникалы актёры – мастера своего дела, и не захочешь, а поверишь всему, что они тебе захотят изобразить. Тёмные волосы, харизматичные черты лица. Одет в светлое пальто из кашемира и чёрный с узорами костюм. На вид мужчине за сорок.

Одарённые могут выделяться сразу несколькими знаками и два – это норма для них. Три – большая редкость, но известны несколько случаев, когда рождались Уникалы с четырьмя знаками. Как говорит история, им не хватало времени довести до идеала все способности, поэтому обычно они используют только две, а остальными пользуются посредственно.

Видеть Уникала в жизни совсем не то же самое, что по телевизору или в интернете, и я поняла, что Сильва права – они в самом деле идеальны.

Он пронёсся мимо меня, стуча каблуками, но неожиданно остановился и развернулся, рассматривая мою шею и лицо. Перчатки тоже заметил, и удивлённо приподнял одну бровь.

– Не подскажите, кабинет директора? Я на правильном пути?

Голос мужчины бархатный, вкрадчивый, располагающий к беседе. Я с трудом подавляю любопытство, что такой человек забыл в нашей школе? И неуклюже указываю в сторону.

Он улыбается уголками кривоватых губ и слегка склоняет голову в знак благодарности. Его янтарные глаза бегло изучают мою уродливую кожу.

– Позвольте узнать, вы немая?

Привыкшая к бестактным вопросам, я всё же ошарашенно вскидываю брови, ведь *Уникал* – это как волшебник, а разговаривает и ведёт себя как простой человек.

– Н-нет, – я отчего-то начала заикаться, неприлично уста-

вившись на чёрные полосы, проходящие от внешнего уголка глаза Уникала через виски...

– Отрадно! Хорошего вам дня, прекрасная Бонуми.

Он развернулся на пятках и исчез за поворотом, а я продолжала стоять на месте, в состоянии смятения.

Прекрасная Бонуми? Это я? Видимо художники во всем видят прекрасное, и шрамы – одна из граней.

Подумать только, я живую видела Уникала из высшей касты! Обычный школьный день стал похож на праздник, и я с трудом подавила желание сбежать с последних занятий, чтобы скорее поделиться своими впечатлениями с подругой.

Танцы.

Опаздываю и вбегаю в зал в момент, когда всех уже распределили на пары. Я выдыхаю с облегчением, ведь это шанс присутствовать на занятии и не опозориться.

– Проходи, Рада, – мягко произносит Эйси Эльвира, пожилая преподаватель танцев и указывает на место в дальнем углу. – Должен подойти ещё один ученик, и он составит тебе пару.

Валерия прыскает смехом, но преподаватель строго одергивает её. Я с завистью в душе занимаю своё место и смотрю на их со Львом пару. Его спина прямая, точёная и широкая для подростка. Боги, кто потерял своего сына? Он слишком прекрасен для человека...

– На прошлых занятиях мы отрабатывали хастл. Девушки, не забываем о грации, при движении хедворк! Парни не

забываем – плечи должны быть расправлены, спина прямая, взгляд направлен вперёд!

Преподаватель строго обводит всех взглядом, отдаёт последние замечания и включает музыку. Её голос становится громким, указания чёткими, когда, проходя между танцующими с закинутыми за спину руками, она указывает на ошибки.

Всем моим вниманием завладел Лев. Я с замиранием слежу за их парой, представляя себя на месте Валерии. Пытаюсь представить его крепкую руку на своей талии, тёплую ладонь, его прикосновения... Моё дыхание сбивается, от нашей воображаемой близости и я отворачиваюсь, стараясь сбросить наваждение.

Отражение в большом зеркале приводит меня в себя – немного спутанные почти чёрные волосы, падают на лицо мягкими каскадами, они красивые, как у мамы. С глазами мне тоже повезло – карие, ближе к зелёному оттенку, миндалевидной формы со вздёрнутыми внешними углами. Маска и распущенные волосы скрывают недостатки нижней части моего лица, но я вижу сквозь неё. Я знаю, насколько оно безобразно.

В зал с большим опозданием проходит парень с соседнего потока, но я замечаю его в момент, когда рука касается моего плеча. К слову, коснуться меня – как заразиться чумой, никто не решается, и это прикосновение заставило меня подскочить. Так называемый нейтральный, он из тех, что

не замечает ни меня, ни того, как кто-то меня буллит.

– Ты будешь танцевать?

– Я? С тобой?

Мой вопрос заставил его усмехнуться и осмотреться по сторонам.

– А ты видишь здесь ещё свободных партнёров? – его голос с лёгкой ноткой раздражения.

Критично осматриваю парня – рубаха, нелепо заправленная в штаны, он низкого роста, я на пол головы выше. Взвешиваю, насколько сильно этот опыт может подорвать его шаткую репутацию, и понимаю, что, если соглашусь, в школе станет одним изгоем больше.

Под его пристальным взглядом и настойчивым указанием преподавателя, я судорожно пытаюсь найти весомую причину для отказа.

– Знаешь, я не очень хорошо танцую, да и вообще...

– Понятно, – он кивает и уходит в сторону преподавателя, несколько не расстроенный моим отказом.

Тот случай, когда у слов становится совсем другой смысл. Делаю глубокий вздох, когда Эйси отпускает парня с занятия, но ловлю на себе её недовольный взгляд. Интересно, что он ей сказал? Наверняка выставил меня ненормальной. И пусть. Зато я не нажила себе очередного неприятеля и не дала повода для новых издевательств и сплетен.

Преподаватель остановила музыку, раздавая замечания, а затем привела в пример пару Льва и Валерии, которых по-

просила без музыки продемонстрировать блестящий навык.

Она комментировала их танец, и пока остальные вникали её словам, я таяла от лёгкой улыбки Льва... Он сияет. Невозможно оторваться... Я так и продолжала бы смотреть, но поймала недовольную гримасу Валерии.

Когда закончилось занятие, преподаватель попросила меня задержаться. Вероятно, хочет обсудить причину моего отказа.

– Рада, что происходит? Вначале года твой уровень танцев был порядком выше, но ты перестала стараться. Если меня не подводит зрение, то окажусь права – твои внешние данные подходят для танцора. Прекрасная фигура, хороший рост.

Преподаватель добродушно оглядела меня, и в её глазах нет и намёка на брезгливость, при виде моих шрамов. Я не знаю, как объяснить ей то, что происходит у меня в душе? Как передать свои чувства? Творчество для меня как воздух, без него я задыхаюсь, но не могу раскрыться, пока рядом так много людей, что ежедневно доставляют мне боль.

– В танцах, конечно, важна харизма, и многие используют мимику для создания дополнительного эффекта, но везде есть исключения! – она одобрительно хлопает меня по плечу. – Попробуй отбросить стеснения, почувствуй музыку и не смотри по сторонам. Танцуй так, словно ты одна.

– Это труднее, чем кажется. Дома я на самом деле одна, и сложностей не возникает, но здесь...

– Нужно переступить черту страха и стеснение отступит.

Поверь, через это проходят все танцоры, и даже некоторые Уникалы, – её голос становится загадочно тихим. – Совершенно нормально бояться раскрыть миру свой талант, но, если не сделать шаг вперёд, потом можно горько сожалеть. Обещай подумать и принять верное решение!

Киваю больше на автомате, а про себя думаю, что про Уникалов она точно приукрасила. Разве может человек, с врожденным талантом испытывать страх перед публикой? *Танцоры – это третья каста Уникалов*, они вырастают высокими, а их отличительным символом стали отметины на верхней части спины. Проходящие от позвоночника, они заканчиваются на лопатках, светящиеся, похожие на выпирающие шрамы, отметины. Танцоры с рождения имеют прекрасное чувство ритма и зажигают под любую музыку.

Следующее занятие проходит ровно, и я, преисполненная радости, готова со всех ног бежать на встречу с подругой, чтобы поделиться этим чувством. Представив, как просияет её лицо, я прибавила шаг, а в голове, строка за строкой, рождалось чудное стихотворение.

Стоит записать. На ходу достаю блокнот и ручку, и под произведением «о везучем деньке», начинаю записывать ещё и стихотворение. Сегодня я бью личные рекорды. Обычно прилив вдохновения приходил только в те дни, когда я расслаблена и спокойна. Строки льются легко, я бегло записываю, уклоняясь от встречных прохожих. Перечитываю и улыбаюсь – чудесное стихотворение! Чувствуя, как натянулась

кожа моих губ, хмурюсь и прикусываю её, стараясь смягчить.

Рядом раздаётся неприятный звук тормозов, и меня окликают надменный голос.

– Эй, Страшила! Ведёшь личный дневник?

Я иду дальше, бросив на Валерию короткий убийственный взгляд. Она медленно преследует меня, сидя за рулём левого автомобиля. И что прицепилась?

– Не желаешь извиниться за своё ненормальное поведение?!

– Только после тебя, – отвечаю я и сворачиваю в переулок, куда нет дороги автомобилю.

Понимаю, что она не собирается сдаваться, и судя по грохоту двери уже вышла из машины. Вдруг меня хватают за волосы и оттягивают назад, с такой силой, словно хотят лишиться последней капли привлекательности. Я шикаю, пытаюсь вывернуться, но Валерия швыряет меня в сторону и сразу обливает соком. В ярости срываюсь с места и догоняю обидчицу, желая отплатить той же монетой, но останавливаю себя.

– Что, кишка тонка? – усмехается она, приняв мою остановку за слабость. – Ещё раз взглянешь на Льва, я тебе глаза выколю.

– Ты рехнулась? Может мне вообще по сторонам не смотреть, пока госпожа Валерия не разрешит? – усмехаюсь я, смахивая с лица остатки сока. – Лучше не подходи ко мне, в другой раз я не остановлюсь.

Лера достаёт из кармана смартфон и на повторе включа-

ет мою последнюю фразу. Её лицо изображает извращенное сожаление.

– Какая жалость. У меня есть факт угрозы. Стоит думать, прежде чем открывать рот! Одеда тряпку, так ходи и помалкивай! А ещё лучше, найди другое место, где будешь ежедневно портить настроение своим безобразным видом!

Меня трясёт, я смотрю на неё и взвешиваю стоимость испорченного телефона, что собираюсь разбить. Откуда-то разносится воинственная рок-симфония, и поначалу я решаю, что придумала её – ведь она идеально подходит под уничтожение соперников и их имущества. Однако, откуда ни возьмись, рядом с Валерией возникает высокий парень в кожаной куртке, быстро выхватывает её телефон и пускается прочь.

Мы ошарашенно замираем, но я от восторга перед его ловкостью, а Валерия от возмущения. Она отправляется в погоню, истошно вопя, а я срываюсь на смех. Такого быстрого бумеранга от кармы ещё ни разу не встречала! Несмотря на подпорченный вид, настроение улучшается, и я добираюсь дома подруги.

– Добрый день, Сильва у себя?

Мне открывает дверь её мама – как обычно, взгляд тётки Милы напряжён, брови сведены домиком, и в целом, она недоверчиво смотрит не только на меня, но и на улицу. Сильва рассказывала, про эту особенность, её мама страдает лёгкой формой социофобии. Нельзя сказать, что я нравлюсь ро-

дителям Сильвы, но меня пускают внутрь, а довольный голос подруги уже разносится сверху:

– Поднимайся скорее!

Снимаю школьные туфли на небольшом каблучке и осматриваюсь – родители Сильвы не торопятся разбирать вещи, дом, как и в прошлые мои посещения выглядит неуютно. Стоящие повсюду коробки с вещами создают неприятное чувство, что они могут уехать в любой момент, и я навсегда лишусь единственной подруги. Они приехали всего полгода назад. Отгоняя от себя дурные мысли, я радостно вбегаю в комнату Сильвы, готовая поделиться своими новостями, но останавливаюсь – на подруге нет лица, и без того бледная, она сидит, похожая на полупрозрачный призрак, а покрасневшие и распухшие веки выдают недавние слёзы.

– Что случилось? Сильва, что произошло?

– Ты не знаешь, – она всхлипывает, а я теряюсь в догадках и озираюсь по сторонам.

Ретривер с грустными глазами лежит на своей подстилке, и я выдыхаю с облегчением, ведь подруга расстроена так, словно кто-то погиб. Липкими от сока руками беру стакан и наливаю ей воды.

– Взрыв! Академию Уникалов взорвали! – выдавливает она, и снова заливается слезами.

Зная, о её привязанности к особенным, я не нахожу слов, чтобы усмирить боль, и просто обнимаю подругу.

– Много...погибших? – тихо спрашиваю я, опасаясь худ-

шего.

– Никто не погиб, – говорит она сквозь слезы и эта фраза или мои липкие плечи отрезвляют её. – Рада, они опять обидели тебя?

Я улыбаюсь, вспоминая ошарашенное лицо Валерии, но пока не та обстановка, чтобы рассказывать о своем.

– Если никто не погиб, тогда к чему эти слёзы?

– Но могли погибнуть! – возмущенно надувает губы Сильва. – И они не остановятся!

– Кто?

– *Теневые!* Они оставили послание! *«Не мните себя богами!»* В этой академии учится Левиафан!

Поглаживаю подругу по плечу, прекрасно понимая теперь, чем вызваны её слезы, и вдвойне понимая, что её так сильно напугало.

– Всё будет хорошо. Они под защитой государства, забыла? Теперь они предупреждены, и примут необходимые меры.

Сильва ещё всхлипывает, но пытается успокоиться, перебирая пальцами мои липкие пряди волос.

– Тяжелый вышел день? Рада, ты сильная, но с этим нужно что-то делать...

Мой смех вызывает недоумение у подруги, и практически белые глаза округляются как две луны.

– Если ты готова к эмоциональным качелям, то я с удовольствием расскажу, как прошёл мой потрясающий, напол-

ненный событиями день! Кстати, у меня в рукаве и песня
есть, и стишок!

Глава 3.

«Не сдавайся!» – riqol (Риколь) – трек для главы.

С тех пор, как государства узнали о способностях Уникалов, появились специальные отделы для поиска и вербовки их внутри страны, ведь особенные рождались довольно редко. Оказалось, вовсе не обязательно, что у великого художника или писателя появится ребёнок с таким же талантом. Зачастую, дети Уникалов рождались совсем без знаков. Особенный ребёнок может появиться в самой обычной семье, но благодаря знакам на теле, он обречён на успех.

Из-за жёсткого соперничества за таланты, появились случаи, когда Уникалов крали и увозили за границу. Подобные инциденты пугали будущих родителей, как результат, многие начали рожать дома и скрывать появление Уникалов. Также не редкость, что особенных детей продавали, чтобы выбраться из нищеты.

В связи с подобной проблемой, уровень жизни во всем мире начал стремительно расти. Страны стали заботиться о всех слоях населения, чтобы снизить уровень тревоги, и родители не продавали детей за границу ради материальной выгоды.

Моя мама работает медсестрой в главной больнице, и ей не раз приходилось дежурить в родильном отделении. По её словам, в нашем городе Уникалы рождаются вообще крайне

скупо – вероятно, холодный климат и короткое лето не способствует развитию талантов.

Сегодня у меня долгожданный выходной, мама всю ночь дежурила в больнице, и вот-вот вернётся, а пока есть ещё один час на беззаботное утро!

Я включаю музыку, спрыгиваю с кровати, чтобы хорошенько размяться. Утренние лучи пронзают комнату, и я люблюсь своим силуэтом на стене – красивая фигура, длинные ноги, и пластика! Если тени не врут, я отлично танцую! Можно не сдерживать себя, и оторваться на всю! Звучит мой любимый трек «*Не сдавайся!*» в исполнении потрясающей *rigol*. Я громче солистки пою припев, вытягивая самые сложные верхние ноты, а ведь она одна из лучших Уникалов!

Будет легче на душе твоей, Несокрушимая моя, непобедимая!

Ведь из боли вырастут твои, Сила и воля.

Не сдавайся без боя, Не сдавайся без боя.

Ведь ты сила, ты сила, милая! Лети вперёд скорей стрелю

Всем наперебой, и я буду с тобой!

Ведь ты сила, ты сила, милая! Лети вперёд скорей стрелю

Я буду с тобой, сохрани внутри покой...

Продолжая петь, иду на кухню, готовлю тосты, нарезаю тонкими ломтиками сыр.

– Рада, ты опять! – от неожиданности нож вываливается у меня из рук и падает на пол, я успеваю отскочить, чтобы острие не впилося в пальцы ног.

Мама с огромными, наполненными тревогой глазами запирает дверь, её руки немного трясёт.

– Когда ты уже поймёшь, что это направление опасно?!

Останавливаю музыку и готовлюсь к очередному тяжёлому разговору на счет творчества.

– Мам! Я дома! Стою на кухне, босая, в одной футболке! Даже окна заперты, ну кто меня может услышать?! – внутренне я срываюсь, но стараюсь держаться. – Своей ошибкой прошлого ты портишь мне жизнь! Уникалы зло? Так только ты считаешь, мама!

Её глаза наполняют слёзы, и я начинаю чувствовать себя виноватой. Она садится за стол, закрывает одной ладонью глаза, но слезы катятся по щекам и падают на столешницу. Подобный спектакль я вижу не впервые, но он продолжает работать – мне всё хуже, а груз вины увеличивается с каждым всхлипом. Как будто ей этого мало, мама начинает разговаривать со мной сдавленным, севшим голосом, полным сожалений.

– Я виновата... это моя вина... Прости меня, Рада, прости меня...

Встаю на колени перед ней, чтобы заглянуть в лицо, но она отворачивается и начинает рыдать.

– Мам, я же не Уникал. Мои таланты нужно разви-

вать...но, мне нравится петь и танцевать... мам... пожалуй-
ста...

Она стихает.

– Талантливых детей всегда забирают, им без разницы. Ты хочешь оставить меня? Ты меня бросишь...

– Мам, ну что за глупости...

– Нет! Это правда! – она поднимает голову и смотрит мне прямо в глаза. – Ты талантлива, дочка, и если тебя заметят, ты уедешь и забудешь меня... я не переживу разлуки. Мне нельзя быть одной...

– А если я пообещаю, что этого не произойдёт? – улыбаюсь я.

Лицо матери искажается в гримасе боли и мудрости, и я понимаю, что за её карими глазами скрывается какая-то недосказанность. Немного злюсь на биологического отца, за то, что сделал мою маму такой —беспомощной, одинокой и несчастной.

– Сегодня ночью родился мальчик, Уникал, сразу с двумя знаками, – начинает она тихо, словно мы здесь не одни. – Молодая мать, а отец, как и твой, давно пропал... Я не понимаю, как они узнают о рождении особенных, но спустя каких-то десять минут после родов, в палату уже пришёл человек из спецотдела... Думаешь, они оставили ребенка матери? Нет, Рада, они не дали ей возможности проявить себя как мать! Я своими глазами видела, как её вынудили отдать ребёнка на попечительство государства. Как будто он, Уни-

кал, с молоком матери может испортиться...

Голос мамы прожжен горечью, настолько сильной, будто ребёнка забрали у неё. Она ласково гладит меня по волосам и щекам, и слёзы с новой силой заполняют её глаза.

– Мам... – я хочу сказать, что останусь с ней до конца, но не могу. Слова застревают на языке, как порочная ложь. – Ты устала. Тебе нужно отдохнуть. Сегодня снова ночная смена. Проголодалась? Разогреть тебе?

Она целует мои изуродованные пальцы и отрицательно качает головой.

– Ты права. Пойду спать. Если хочешь, пой, дочка. Дома можно.

Сдавленно улыбаюсь, ведь для меня это правило давно не под запретом. Ещё я пою у Сильвы, и в парке, когда никого нет рядом, танцую одна и с подругой, постоянно записываю симфонии и стихи, а сегодня вечером...

О да!

Я иду в отличное заведение, где можно проявить не только свои музыкальные таланты, но и бороться со страхом публичных выступлений! Не так давно я нашла музыкальный бар, и меня, как несовершеннолетнюю, выгонят отсюда не раньше десяти, перед началом программы для взрослых. Он находится на другом конце нашего города, и вероятность встретить кого-нибудь знакомых равна нулю. Мой лук не воспринимают как что-то запретное. Наоборот, мне дали прозвище «Тенёк», и встречают как настоящего музыканта.

Никого не заботит, что я прячу под маской и перчатками, и сегодня я собираюсь играть на барабанах до тех пор, пока меня не выставят!

Дорога занимает пол часа на автобусе, и под предлогом встречи у Сильвы, я выхожу из дома вместе с мамой. Мы расходимся в разные стороны, вдыхаю полной грудью и, едва не пританцовывая, бегу на остановку.

Почти шесть вечера. Музыкальный бар наполняется посетителями.

– О, Тенёк подросла! – говорит один из секюрити, открывая мне дверь. – Как настроение? Зажжём сегодня?

– Я всегда зажигаю! – улыбаюсь я, огибая широченную грудь мужчины.

– Только не задерживайся. Без пяти десять тебя не должно быть в баре!

Киваю и прохожу внутрь. Приятный голос заполняет пространство – один из посетителей завершает всем известную песню о любви. Свободных мест почти не осталось – такой аншлаг редкость для этого заведения. Немного смущаюсь от заинтересованных взглядов, и протискиваюсь к барабанам. Здесь играть и петь может любой желающий, и от этого создаются совершенно неожиданные, невероятные дуэты, квартеты и трио. Женщина в возрасте заняла рояль и тихонечко аккомпанирует певцу.

Дизайн бара сдержанный, можно сказать, скромный, но здесь витает особая атмосфера. Царство отдыха, безмятеж-

ности и творчества. Люди, посещающие это место, не просто любители праздно провести время, они ценят магию, что создается каждым из нас. И пусть мы не Уникалы, и наша музыка и песни не такие безупречные, но, мы как угольки в костре – по одиночке сгораем быстро, а вместе отдаем тепло и горим ярче. Можем зажечь спичку, обжигаем, да и пожар способны вызвать!

Под бурные аплодисменты мужчина садится на свое место, а я начинаю выдавать скромный, постепенно нарастающий бит. Внутри меня разгорается пламя, оно растет и греет пальцы рук, и я начинаю играть энергичнее. Замечаю, что кто-то в зале в такт кивает головой, и сама начинаю двигать плечами, ведь внутри я слышу музыку шире. Гитара, клавишные, и песня... они сливаются в симфонии, сияют невероятным светом, и отзываются в душах людей приятным теплом... Слова песни рождаются, но я поджимаю губы. Мне нельзя петь, мне страшно...

Теряю счет времени. Творчество уносит меня в другой мир, я обретаю крылья, перемещаюсь в пространстве. Перед мной проносятся галактики, мириады звезд, их потоки пьянят – закрываю глаза и отдаюсь ритму. Я чувствую незримую связь с каждым в зале, словно воздушные нити, но отдавая, получаю больше.

В этом состоянии не сразу понимаю, что один из инструментов ожил, и я уже играю не одна. Открываю глаза, спокойно поворачиваю голову, и тут моё сердце сбивает ритм,

но руки продолжают выдавать бит. Рядом со мной, прочувствовав мелодию, играет на гитаре Михель. Не глядя в мою сторону и склонившись над инструментом, он играет так же горячо, с таким же азартом, и самое удивительное – он создаёт ту мелодию, что звучала в моей голове.

Меня накрывает холодным потом, и чем дальше мы играем в унисон, тем сильнее слабеют мои руки. Сбиваюсь, пытаюсь выровняться, настроиться обратно и не смотреть на него, но роняю палочку. В мою сторону оборачивается несколько гостей, что создает дополнительное напряжение.

– Не прекращай, – улыбается мне Михель.

Схватив палочку, я несколько секунд слушаю гитару парня, отгоняя мысли о своей недавней лжи про нелюбовь к музыке, и продолжаю играть. Гости восторженно поддерживают наш дуэт, что дает силы звучать как прежде.

Допустим, Михель узнал о моём тайном увлечении, но это ничего не значит. В школе есть барабаны, и всем известно, что тут я не профан, но и не топ... Можно списать на стеснение, если он начнет задавать вопросы. Да с чего бы нам начать общаться? Более того, я не собираюсь оправдываться.

Радуюсь, что не начала петь, ведь слова так и просились во всеуслышание. Сильва говорит, что, когда я раскрываюсь, голос мой подобен Уникалам. С её же слов, он подобен ангелам. Склоняюсь думать, что подруга просто любит мой тембр, а это значит, что остальные люди услышат его иначе.

К нам присоединяется мужчина, занимая клавишные, и

уровень мурашек на моём теле возрастает. Он играет не так уверенно, как я или Михель, но неплохо дополняет наш дуэт.

Концентрация волшебства в воздухе достигает апогея, когда на сцене появляется загадочная девушка, лицо которой прикрыто легкой серебристой вуалью, закрепленной от сияющей заколки. Она встает у микрофона, я вижу только её профиль, замечаю, как накрашенные алые губы растягиваются в улыбке, а плечи расправляются, словно за спиной появились незримые крылья.

Под нашу яркую, ритмичную, наполненную огнем композицию, она начинает петь чистым сопрано, на неизвестном языке. Боги, это сочетание... Мягкость и жёсткость. Соленое и сладкое. Нежное и грубое. Примерно так звучит её голос и наша музыка.

Публике нравится, в восторге все, и мы с Михелем в том числе. Ну, не знаю, как он, а я точно! Михель смотрит на девушку с прищуром, но продолжает игру, поглядывая в мою сторону. Его взгляды, словно стрелы – я чувствую их кожей. Грубиян и хам. Что с него взять.

Вдохновение пронзает меня, чувство счастья переполняет, я улыбаюсь так широко, что моя обожжённая губа лопается, и начинает кровоточить. Да. Такое бывает частенько. Соленый вкус крови добавляет новую нотку во все происходящее, и я едва не теряю голову. *Гореть ровно...гореть нужно ровно* – уговариваю я себя, – *не вспыхивать, как спичка, а медленно тлеть, разгораться.* Но я в пожаре, всё происхо-

дующее сегодня разжигает во мне сумасшедшую страсть.

Голос солистки невероятен, я пытаюсь рассмотреть её лицо, но вуаль неплохо маскирует. Можно с уверенностью сказать, что она красавица, светлые короткие волосы прикрывают шею, грациозные движения рук говорят о том, что она не любитель. Скорее всего нам повезло, и сегодня в баре настоящее комплект из талантов.

Я поздно замечая, что некоторые из посетителей снимают выступление на телефоны, и начинаю волноваться. Ведь мне нельзя светиться. Снова сбиваю ритм, меня пробивает дрожь. Но в момент, когда камера одного из гостей едва не словила меня, Михель выступает вперед. Я не знаю, случайно это, или он заметил мои терзания. Однако он выглядывает из-за плеча в мою сторону и загадочно улыбается.

Отчего то увеличиваю ритм, бью чуть сильнее... и ломаю палочки.

На протяжной ноте из гитары и клавишных, под мощное сопрано загадочной девушки, наше грандиозное выступление окончено.

Зал взрывают овации! Мне не нужна слава, я гляжу на часы и чуть раньше заявленного сбегая из бара.

Секюрити ловит меня за локоть, восторженно улыбаясь. Кажется, сегодня никто не остался равнодушным. Заслушались все.

– Тенёк, ты сломала палки, – резко говорит он, и я пугаюсь, но тут же добродушно добавляет. – В другой раз приго-

товим тебе пару запасных! Приходи ещё! Да и вообще, почему бы не устроиться к нам на основе постоянного музыканта? Хочешь, замолвлю за тебя словечко?

Мне жарко. Мои щёки горят, и я в таком состоянии, что не могу мыслить здраво. Губа всё ещё кровоточит, в этот раз сильно треснула.

– Я подумаю, мне пора!

– Приходи обязательно, в другой раз я предупрежу руководителя о тебе, пусть послушает!

Всё, что происходит, кажется нереальным, и я довольная бегу в сторону остановки. Мне предложили работу! Заниматься тем, что греет душу, и я не верю, неужели всё происходит на самом деле.

Уже довольно поздно, Сильва и её семья рано ложатся спать, поэтому надо потерпеть до завтра, и рассказать ей, как круто может измениться моя жизнь!

– Рада, – голос Михеля раздаётся как гром, и я подпрыгиваю, вырванная из своих мечтаний. – Тебя подвезти?

Он удерживает мотоцикл, и загадочно улыбается мне. Несмотря на легкий мороз, его шея в татуировках раскрыта, куртка расстёгнута, распущенные волосы треплет ветер. Первое, что приходит в голову – категоричный отказ. Но Михель протягивает мне шлем, будто другого варианта, кроме согласия, нет.

– Я жду автобус.

– Он не придет. Тебе придется идти пешком, или я под-

везу.

– Всегда приходит, – упрямо повторяю я.

Он пожимает плечами, и хамоватая улыбка бунтаря становится шире. Обычно с таким же видом он спорит на лекциях, когда знает, что прав. Я хмурюсь, поджимаю губы под маской и смотрю в сторону.

– Поехали. Просто подвезу тебя, как знакомый. Нам не обязательно начинать общаться. Автобус то сломался.

Взвешиваю несколько секунд его слова, продолжая вглядываться вдаль. Думаю, насколько безопасно пойти домой пешком, если слова о поломке окажутся правдой, и принимаю шлем.

Он ухмыляется и кивает в сторону места. Испытываю неловкость, когда оказываюсь так близко к чужой спине, и ещё больше волнуюсь, от мысли, что мне нужно как-то держаться. Здесь должны быть ручки. Я выглядываю по сторонам, но их нигде нет.

– Держись за меня, ручек нет, Рада.

От его слов мне становится тяжело дышать. Унимая дрожь, кладу ладони на его бока. Я не тактильный человек, и не хочу лишний раз кого-то касаться.

– Так ты свалишься на первом же повороте, – он ловко хватает мои бедра, придвигая вплотную к себе и прижимает руками. Тут же берёт руки и сцепляет их на уровне своего живота. – Держись вот так, поняла?

Я издаю какой-то непонятный, кряхтяще-мычащий звук,

и Михель хмыкает. Мотор ревет, мотоцикл начинает движение плавно, но очень быстро набирает скорость. От этого у меня захватывает дух. Удивляюсь, что мне не страшно, хотя это первый раз, когда я еду на таком опасном средстве передвижения. Окружение сливается в серую массу, я с трудом узнаю места.

Мне показалось, что поездка вышла очень короткой. Михель сбавил скорость, когда мы проезжали по родной улице. Оказывается, он откуда-то знает, где я живу.

– Спасибо, – я сняла шлем и протянула его обратно парню.

– Не за что, – быстро ответил он, и вопреки моим страхам, сразу уехал прочь, не сказав ничего на прощание.

В моей голове рождались прекрасные строки, и я поспешила домой, чтобы записать их.

Перед сном по привычке захожу в интернет, листаю ленту, стараясь не вчитываться в пестрящие заголовки о недавнем взрыве. Ощущение, что мир остановился, и кроме событий с *Уникалами* и так называемыми *Теньвыми* в нём совсем ничего не происходит.

Взгляд цепляет фотография группы Уникалов, среди которых выделяется Левиафан, и я невольно начинаю читать:

«Студентов старшей закрытой школы распределяют по стране на несколько учебных заведений. Уникальная возможность понять, что их дар – это огромный труд, и особенные работают над собой не меньше простых людей. Нам

предоставляется возможность сблизиться с самыми творческими людьми в Оремидоре, и сплотиться в это нелегкое время, когда Теневые пытаются дискредитировать Уникалов.»

Повезет же тем, в чьи школы придут такие гении! Я вспомнила недавнюю встречу с мужчиной Уникалом и вздохнула. Все-таки, они нереальные.

Включаю песню *riqol*, и убираю телефон. Смысл слов пронзает меня насквозь, я шёпотом подпеваю ей, и меня накрывает волной тихих слёз.

*Завтра нужно будет снова, Побеждать, побеждать!
Побеждать в борьбе с самой собой, Это будет самый сложный бой...*

Не покидает ощущение, что песня написана про меня, а потому, выворачивает наизнанку всё, что я тщательно стараюсь скрывать за сильным равнодушным взглядом. Скрываю от самой себя.

Я хочу стать другим человеком.

Глава 4.

Проспала!

Я летела в школу так быстро, как позволяли мои длинные ноги. Опоздать в день, когда первая лекция у преподавателя, что косо и хмуро смотрит на тебя – значит задать особый ритм сумасшествия и унижений на весь день! Всё из-за вчерашнего вечера в баре! Я слишком воодушевилась успехом и не могла уснуть дольше обычного. Несколько часов раздумывала, во что выльется наш дуэт с Михелем, и порядком вымотала себе нервы.

Хоть бы преподаватель по Праву тоже задержался! Я тут же осознаю бредовость своего желания, ведь кто-кто, но Альбедо не опаздывал никогда. Строгий седой старик, высокий как Уникал танцор с идеальной осанкой – его боятся и уважают все, как будто преподаватель обладает особой аурой. Возможно, дело в его неформальном стиле, и страсти к амулетам и кольцам. Кто не знает, может решить, что он рок-звезда.

Раздается звонок, двери аудиторий захлопываются, а мне бежать ещё целый пролет.

Наконец, я у цели, с замиранием сердца слышу строгий голос Бори Альбедо и неуверенно стучусь. Он приближается к двери, и по мере его нарастания, увеличивается и мой страх.

– Вы не станете совершать таких необдуманных поступков, если не желаете оказаться в неудобном положении, – передо мной распахивается дверь и губы преподавателя искажает недовольная улыбка, а глаза цвета пепла глядят, как на ничтожество. – Рада Селарион.

– Извините, пожалуйста, я опоздала, – бормочу я, глядя на него щенячьими глазами.

– Неужели? Считаете, я не заметил вашего отсутствия? По-моему, все, кто заинтересован в знаниях, давно заняли свои места.

Я топчусь на месте, и не знаю, что можно возразить человеку, который в совершенстве знает законы. Он ухмыляется и добавляет.

– Вы ведь в курсе школьного дресс кода? Почему позволяете носить неформальные аксессуары? Считаете себя особенной?

Внутренне я возмущена, ведь преподаватель, пусть и в костюме, а его амулеты и железные кольца – далеки от школьных уставов.

– Всем известно о ваших шрамах, студент Селарион.

Его высокомерный тон даёт право на волну шёпота в аудитории, и я уже готова развернуться и уйти, как рядом появляется его любимица Валерия. Она чем-то расстроена, по-детски хмурит брови и дует губы.

– Валерия, от вас я точно не ожидал такого, – чуть мягче произносит преподаватель, переводя взгляд с неё на меня

и обратно. – Займите свои места, но с вас обеих доклад. О ценности своего и чужого времени.

Любимая тема Альбедро – задавать доклад в качестве наказания. Лера отталкивает меня в сторону и проходит на свое место в первых рядах, я же быстренько сажусь на последнем, и благодарю Тихе за удачу. Пропускать занятия вовсе не хотелось.

– Поговорим об Уникалах, – преподаватель стоял у своего стола со скрещенными на груди руками, устремив взгляд в сторону окна, за которым едва разгорался рассвет. – Их Творческая Искра – уникальная сущность, рожденная в разуме, будь то писатель, певец, художник или иной мастер искусства. Она воплощается в песне, произведении, скульптуре или ином творчестве, отмеченном печатью души создателя. Вы знаете, что среди Уникалов существует три касты, и высшие – это певцы и музыканты, а также художники и скульпторы. Первая каста – это искра, мощный импульс для остальных Уникалов, и поэтому их особенно ценят и защищают.

Руку поднял Максим, и преподаватель, не глядя, разрешил ему задать вопрос.

– Первая каста влияет на всех, кто обладает зрением и слухом. Получается, если человек не видит и не слышит Уникала, он свободен от его влияния? На него не действует?

– Влияния? Максим, ты хотел сказать, такие люди невосприимчивы к творчеству, верно, – улыбнулся преподаватель,

обведа аудиторию пронизательным взглядом. – Сегодня стоит аккуратнее выражаться. Влияние и вдохновение не одно и то же, так что, поаккуратнее.

– Почему? Это связано с Теневыми?

Все притихли. Альбедро прекратил улыбаться, помрачнев, и медленно стал расхаживать возле доски, размышляя с минутой о вопросе.

– На ваш взгляд, кто такие Теневые?

В аудиторию без стука влетел Михель, коротко кивнул преподавателю и бесцеремонно рухнул на своё место, что справа от меня. Я присмирела больше прежнего, ведь прожигающий взгляд Альбедро по касательной проходил через меня.

– Неудовлетворительная оценка, Михаил, и доклад о пользе Уникалов.

– Это будет легко, как нечего делать. Ведь можно уложиться в несколько строк, – громко ответил Михель, вскинув голову так, что его взгляд стал высокомерным.

– За ответ без спроса останетесь после занятий, Михаил, – парировал преподаватель.

– Вынужден отказаться, или перенесём на другой день. У меня плотный график, – продолжал хамить Михель в своей манере.

– Ещё слово, и вы покинете мои занятия до конца семестра, – строго и с вызовом сказал Альбедро.

Михель улыбнулся, но смолчал, но я почти расслышала,

как мысленно он сказал с десяток дерзких фраз. Это отразилось в его прищуренных серых глазах, подавшихся тенью.

– Итак, так называемые, Теневые – это определение, что правительство даёт отряду нелегальных анонимных талантов. Они нарушают каноны и воруют искры Уникалов, искажают их, преобразуют в негативном ключе и выкладывают на всеобщее обозрение, – преподаватель снова задумчиво глядел в окно. – Правительство считает, что Теневые не способны создавать уникальные произведения, они лишь копируют, а удачные копии подкупают людей своей доступностью.

– А что по этому поводу думаете вы, преподаватель Бори Альбедо? – спрашивает Максим.

Старик усмехается про себя, его губы на короткий миг растягиваются в улыбке.

– Моё мнение совпадает с точкой зрения государства, разумеется, – его голос звучит вкрадчиво. – Агрессия Теневых в их непокорности. Они вне закона. Их музыка жёсткая, песни резкие, а картины и скульптуры на грани ужасного. Они – причина бунтов людей, и серии суицидов. Впрочем, мы отошли от темы...

Дальше занятие проходило согласно учебному плану, я слушала и записывала как все, и только Михель опять бунтовал, занимаясь своими делами в наушниках. И зачем он вообще посещает лекции, если всё равно не записывает и даже не слушает?

После звонка я некоторое время выждала, чтобы аудито-

рию покинуло как можно больше тех, кто задирает мои недостатки. К своему удивлению обнаружила, что Валерия настолько озадачена неизвестной проблемой, что и не замечает меня. Вероятно, телефон вернуть не удалось – догадалась я, улыбаясь.

В коридорах школы как всегда оживлённо, но сегодня воздух наполнен особым любопытством и волнением. Я с удивлением отметила, что всех занимает нечто настолько глобальное, что они позабыли о моём существовании. Те, кто обычно не упускали возможности кинуть в меня словом или смятой бумажкой, сейчас увлечённо обсуждали громкую новость.

Что ж, остается только порадоваться и выдохнуть с облегчением! Я шла по коридорам, в потоке суеты и сотни голов, и это казалось нереальным, словно в замедленной съёмке. Так и хотелось снять маску, чтобы убедиться, что до меня больше нет никому дела! Но почему?

– Не может быть!

– В самом деле! – раздавалось рядом.

– У нас? В Окулиусе?!

– Да, он уже здесь, я своими глазами видела!

– Вот это повезло нам! – со всех сторон слова-слова-слова.

И наконец, я услышала заветную фразу. – *Уникал в нашей школе!*

– Не может быть, – прошептала я себе под нос и остановилась.

Какие я испытываю чувства? С одной стороны, очень взволнована, ведь Уникалы – недостижимые звёзды, волшебники другого мира! Они связаны между собой с детства. Страны организовали для них специальные закрытые школы, где одарённых готовят нести в мир творчество, управлять своими талантами и знать себе цену. И один из них вдруг будет среди нас! С другой стороны, так ли это хорошо для Уникалов? Повышенное внимание, пусть и в позитивном ключе, надоедает. Школа уже сейчас стоит на ушах, и страшно представить, как все станут вести себя дальше.

– Двое!

– Что?! Два Уникала?! – снова раздаётся со стороны группы хихикающих девчонок. – Да! Парень и девушка!

Звонок. Я спешу в зал для пения, где мне предстоит тушить свой голос, чтобы не выделяться, как того желает мама.

Работаем над дыханием, распеваемся вместе, и вот нас делят на маленькие группы по трое, чтобы преподаватель мог слышать наши типы голосов.

– Рада, ты должна больше стараться! Практикуйся в свободное время! Твои лёгкие отказываются развиваться? Заставь! Запрещаю лениться! – преподаватель пения, молодая энергичная рыжеволосая женщина, зажигала всех оптимизмом. – Я слышу фальшь! Пение не терпит такого! Ну, собралась!

И как ей объяснить, что на мне висит незримый замок, что связывает мой голос невидимой магической печатью? Я

правда стараюсь, мои щёки горят от стыда, ведь я знаю, насколько хорошо могу исполнить эту распевку, но вместо чистого звучания выходит сиплый стон.

Преподаватель, Лима Ни, отступается от битвы за меня, и уходит слушать следующего. Наконец она обходит каждого, разбивает на куплеты и мы поём. Моя группа слабее других, и я ловлю на себе две пары рассерженных глаз. Что поделаться, это моя роль, разочаровывать всех вокруг.

Снова наша очередь, мы обязаны вытянуть самые верхние ноты, и моё сопрано здесь просто необходимо. Я решаюсь на риск. Что, если я спою как надо, а потом спишу это на выброс адреналина? Мне безумно нравится петь, меня переполняет желание творить. Мама ничего не узнает. Расправляю плечи, набираюсь смелости и полные лёгкие воздуха.

Все смолкают, когда чистое сопрано разрезает пространство словно луч яркого света. На меня смотрят десятки глаз, восхищенно, с интересом и любопытством. Но я смолкаю, а голос продолжает звучать, словно протяжное пение райской птицы. Он звучит из-за моей спины, и меня окатило холодом, словно я провалилась под лёд.

Я оборачиваюсь и вижу рядом её – девушку Уникала. Светлые волосы до плеч, карие, немного с хитрецей глаза, капелька на нижней губе, и милое круглое лицо. Мне кажется, или я её уже видела? Она вытягивает голос до невообразимой октавы и замирает.

– Всем привет! Я Ада, и какое-то время буду учиться с

вами! – улыбнулась она и подмигнула мне.

Точно. Мы виделись, вчера в баре. Я холодею в ужасе от мысли, что Ада узнала меня и может разоблачить.

– Добро пожаловать! – лицо Лима Ни выглядит не менее взволнованным, чем у студентов. – Если хотите, оставайтесь в этой группе, или можете просто посмотреть? Ваш голос... простите...невероятен...

– Не стоит относиться ко мне с таким почтением, я такой же студент, как и все, – улыбается Ада, и я, как и остальные, таю от ангельской внешности. – Я стану чуть тише, чтобы всех было слышно, хорошо?

Преподаватель смущенно кивает и пытается продолжить занятие, но все отвлекаются на Уникала, и даже те, кто несколько минут назад сияли талантом, стали робко открывать рты.

Мы стоим плечо к плечу, она порядком ниже, и с интересом рассматривает мой стильный лук. Я чувствую, как в Аде растёт вопрос, и мои ладони потеют.

– А у вас тут уютно, – вдруг говорит она мне шёпотом.

Я киваю, но стараюсь не смотреть на неё. Ада пока не знает, что я изгой, а потому общается со мной так легко. Скоро всё изменится, я уже заметила злобный взгляд Валерии. Она не упустит возможности подружиться с Уникалом, а я лишь досадное недоразумение на её пути.

– Пойдем вместе на обед? Покажешь мне, где кафетерий? – продолжает шептать Ада.

Снова киваю, очередь подходит к нашему куплету. Моя решительность спеть хорошо тает, и я выдаю тоже, что всегда – неуверенный головной звук. Однако теперь рядом Ада, и наш квартет звучит отлично. Хотя я уверена, она уставилась на меня больше прежнего. И я могу пока только догадываться, по какой причине.

После звонка Аду окружают со всех сторон, словно она настоящая знаменитость. Неудивительно, ведь Уникалы большая редкость! Её осыпают вопросами, пялятся на милую бусинку на губе, а меня выталкивают в сторону. Они перестали замечать меня благодаря Уникалам, и я с радостью прохожу к выходу, улыбаясь под маской.

– Тенёк! – громко произносит Ада, и ноги каменеют от звучания своего псевдонима в стенах школы. – Ты обещала проводить меня в кафетерий!

Под недоумевающие взгляды, Ада выбирается из толпы студентов и бежит за мной.

– Моё имя Рада, – тихо говорю я, и замираю, когда Ада по-дружески берет меня под локоть.

– Да? Но тогда, вчера...

– Тише, прошу! – взмолилась я и Ада смолкает. – Я не хочу, чтобы об этом знали.

– Секрет? Почему?

Я ухожу из зала и утягиваю за собой Уникала, спиной ощущая взгляды, брошенные словно острые кинжалы. Им непонятно, чем вызван интерес Уникала ко мне, и я в но-

вой опасности. Ада продолжает держать меня под руку, и не отстаёт. Стоит договориться с ней, чтобы не выдавала мою тайну, пока мы в хороших отношениях.

– Я местный профан и желаю такой и оставаться. Мне так удобно, понимаешь?

– Профан? Ты?! – её голос громкий, а смех разливист и красив, и это привлекает всеобщее внимание.

Яркая внешность новенькой, которая к тому же держится под руку с местным чудовищем вызывает резонанс. Однако его замечаю только я, ведь для Уникала такое внимание привычно, и она продолжает как ни в чём небывало разговаривать со мной.

– Я умею хранить тайны, но если снова соберёшься в то имбовое место, позови меня, договорились? – она останавливается и достает смартфон самой последней модели, что кажется футуристичной. – Обменяемся номерами?

На нас все смотрят. Я быстро диктую номер, и она тут же набирает меня.

– Рада, как на счёт погулять после школы? Познакомишь с Окулиусом? Я могу показать тебе, где живу.

Мы заходим в кафетерий, и мне кажется, что все расступаются у нас на пути. После школы я планировала как обычно провести несколько часов в кампании Сильвы, и не собираюсь менять своих планов ради призрачной новой подруги.

– Извини, давай в другой раз?

– Хорошо! Тогда завтра? Ты сможешь показать мне го-

род?

Я не понимаю. Среди стольких студентов Ада выбрала меня. Неужели всё из-за моей игры на барабанах? С одной стороны, неплохо быть в её тени – ко мне упал интерес, и Ада словно щит, а с другой меня не покидает ощущение, что моя игра на барабанах как крючок, который случайно зацепил слишком большую рыбу.

– Да, завтра смогу.

– Отлично! Идём уже обедать, мне не терпится познакомиться с вашей кухней!

Не знаю, какие условия для Уникалов в их закрытых школах, но, на мой взгляд, Ада ждёт от нашей слишком много. Я беру обычный набор из салата и второго, и с ужасом понимаю, что сегодня останусь голодной. Из-за своих особенностей внешности я не могу есть в присутствии других. Мне нужно снять маску и спрятаться, но Ада настроена обедать со мной.

Мы садимся, Ада начинает есть и с интересом рассматривает окружающих, которые не сводят с нас взглядов. Я определенно останусь голодной.

– Ты чего? Рада, я тебя чем-то расстроила?

Она касается моего плеча настолько непринуждённо, словно мы старые друзья, а я вздрагиваю, не привыкшая к тактильным ощущениям.

– Обычно, я обедаю одна.

– Оу, понимаю. Мне стоит пересесть? – не дожидаясь от-

вета, она встаёт и забирает свой поднос, мило улыбаясь. – Встретимся на занятиях!

В недоумении от того, как общение может быть настолько лёгким, я снимаю маску и принимаюсь за еду. Вместе с удаляющейся от меня Адой отступает и волна внимания. Она как магнит притягивает все взгляды.

Вдруг понимаю, что скоро им наскучит следить за ней как за редкой красоты птицей, и всё может вернуться на круги своя. Мои унижения, боль – все вернётся, но как тогда будет вести себя Уникал? Останется ли она на моей стороне, когда увидит шрамы?

Внезапно рядом со мной грохает поднос, и я судорожно хватаю маску.

– Все как с ума посходили. Здесь единственное спокойное место.

Опять Михель. Что за день, мне не дадут выдохнуть спокойно.

– Ешь, я не буду смотреть, – говорит он, уплетая свой сэндвич и рассматривая пейзаж.

– У меня аппетит пропал.

– Ой перестань, я видел с какой жадностью ты только что налегала, – смеется он, но на меня не глядит. – Не прикидывайся другим человеком, ешь так, будто меня нет.

У меня предательски громко урчит живот, и я хватаюсь за него, как будто это может помочь. Михель усмехается, но, как и обещал, не смотрит. Я снимаю маску только наполови-

ну, и с опаской, как дикий зверь, начинаю есть.

Некоторое время Михель и правда молчит, а потом начинает портить мне аппетит.

– Сегодня музыка последним занятием. Зажжём как вчера?

Я поперхнулась чаем, он пошёл носом и, о это прекрасное чувство горечи в носоглотке... Ну вот, теперь его очередь напомнить мне о вчера.

Михель смотрит на меня своими серыми глазами, и в них ни капли юмора – он абсолютно серьёзен.

– Вчера ничего не было, – невозмутимо отвечаю я, управляя голосом, как инструментом.

– Зачем скрывать, что ты лучше их?

– Я не лучше, просто много практики.

Он прицокивает и скользит взглядом по моей шее, заставляя поправить высокий ворот водолазки.

– Больше не ходи в тот бар, если не хочешь встретиться со мной, – его голос звучит с угрозой. – Придётся поискать другое место для практики. Например, в школе.

– Думаешь, меня испугает встреча с тобой?

– А ты рискни, и узнаешь, – тем же опасным тоном говорит Михель, и его стальные глаза метнули ледяные молнии. – Приятного аппетита.

Он забирает поднос и уходит, оставляя меня в растрёпанных чувствах. Два занятия его слова звучали как на повторе, мешая сосредоточиться, и вот, тот самый урок музыки.

Я решила прогулять. Действительно хотела уйти, но увидела того, кто заставил меня передумать. Ещё один Уникал, парень, как и говорили те девчонки.

Мрачный, с пепельно-белыми волосами, весь в чёрной одежде, он рассекал пространство как тень, оставляя за собой след тишины. Его движения плавные, как лезвие кинжала, скользящего по кромке света, и каждый шаг будто разделяет мир на то, что было и то, что будет. Золотистые глаза из-под густых сведённых бровей, выделяются ярким контрастом. *Первая каста*, художник или скульптор.

Под восторженный шепот девушек и напряжённые взгляды парней, он завернул в аудиторию, где будет моё занятие музыкой.

– Что застыла, приведение увидела?

Михель прошёл мимо, и его насмешка привела меня в чувство. Любопытство против угрозы Михеля. Я не могу постоянно убегать, а посмотреть на что способен Уникал очень хотелось, поэтому я осталась.

– Давид, – коротко пробасил Уникал и хмуро обвёл аудиторию. – Виолончель.

Уникал дал всем понять, что не разговорчив, и не собирается менять свои принципы или подстраиваться под обстоятельства. Он занял свободное место за виолончелью и стал напряжённо ждать, когда недалекие обычные разберутся кто куда.

С замиранием сердца заметила его руки, точнее, пальцы –

их было по шесть. Уникалы с даром к музыке зачастую имеют шесть пальцев рук, это значит их специализация инструменты, струнные или клавишные. У других вырисовывался знак по подбородку и скулам, а заканчивался в области ключиц. Чаще всего узор выглядел как резкие линии, похожие на разряды молнии или наоборот, плавные, мягкие ленты. Музыканты первая каста. Шесть пальцев, золотистые глаза – Давид дважды первый.

Я с опаской косилась в сторону барабанов, ощущая на себе жгучий взгляд Михеля, который уже перебирал струны гитары в какой-то жуткой нагнетающей трели. Он будто вынуждал меня сесть за них и проявить себя, но я упрямо стояла на месте, ожидая указания преподавателя.

– Рада, садись за барабаны, – наконец сказал он, одновременно со смешком Михель тренькнул аккорд.

Сажусь за барабаны, включаю режим профана и с издёвкой смотрю в сторону Михеля. Я и не думаю выделяться, буду играть как обычно, чуть лучше, чем плохо. Странно, он в самом деле решил, что таким образом сможет вывести меня на большее? Зачем мне выделяться?

Пока преподаватель разносит нам нотные записи, мы настраиваем инструменты, создавая какофонию.

– Вчера мне прислали новые композиции. Попробуем их сыграть, – суетился преподаватель, читая партитуру. – Итак, все готовы?

Но едва первые звуки срываются с инструментов, как Да-

вид встаёт, без лишних слов проходит к трибуне, и выхватывает партитуру.

– В чём дело? – недоумевает преподаватель, но смолкает.

– Что вас смущает?

– Откуда это у вас?! – басит Давид, и я уже сомневаюсь, кто из них ведёт занятие.

– Прислали по почте. Мне часто высылают произведения молодые музыканты. Что-то случилось?

– Это музыка Теневых, и за такое вы можете попрощаться с карьерой.

В аудитории шёпот, напряжение растёт. Давид своим необычным взглядом буравит бледное лицо преподавателя, как будто тот музыкой теневых хотел отравить его. Я с интересом слежу за реакцией Давида, раздумывая, как можно с пары нот определить, чья это музыка?

– Вам стоит быть внимательнее, – наконец говорит Давид и возвращает партитуру, скривив губы.

– Что с этим делать? – робким, не своим голосом спрашивает преподаватель. – Отнести директору?

Уникал одобрительно кивает, а преподаватель, раздав невнятные указания, покорно уходит. Кто-то использует свободное время, чтобы поболтать между собой, некоторые решаются завести разговор с Давидом. А есть те, и я в их числе, кто тихонечко занимается на доверенном инструменте. Я играю тихо, мягко, совсем не так, как вчера в баре, да и Михель сбоку подтрунивает какую-то дичь.

Когда преподаватель возвращается с новой партитурой, времени чтобы играть, остаётся крайне мало, и нас отпускают пораньше.

Сильва, я иду!

Новости дня придутся ей по вкусу. Однако подруги не оказалось дома, в дверях я нашла записку от её мамы. Они уехали на неделю за город, и отчего-то меня накрыла волна тревоги. Сильва как свет, которого мне так не хватало всю жизнь, и мысль о разлуке вгоняет меня в безграничную тьму.

Провожу вечер в интернете, вяло листая ленту новостей и громких заявлений. Правительство настроено решить проблему Теневых в короткие сроки, и для этого организовали целый ряд сложных действий, алгоритм которых держат в секрете. Они обещают, что всех Теневых в ближайшее время ждёт разоблачение и тюрьма, а чистое творчество снова станет основным источником вдохновения для всех. На этой хорошей новости я засыпаю.

Глава 5.

Мама приходит в состояние безмолвного шока, когда я с энтузиазмом и огнём в глазах рассказываю последние школьные новости. Она едва заметно вздрагивает при каждом произнесённом вслух слове *Уникалы*, как будто им можно уколоть.

– Надеюсь, они ненадолго у нас, – проворчала она, нервно потирая шею и ключицу. – Обещай не сблизиться с ними!

Вскидываю брови. Она совсем не слышит? Уникалы спасают меня от лишнего внимания, по крайней мере пока, а если смотреть в перспективе, это ведь шанс! Я решила завести с Адой дружбу. Хуже для моей репутации уже не станет, а вот вытащить меня из пучины невезений вполне возможно!

– Как получится, – уклончиво отвечаю я и решаю закончить на этом.

– Рада, они не такие хорошие, как кажется. Для Уникалов нет ничего невозможного, они запутают тебя и обманут, ты и не заметишь... Не будь наивной.

Я изображаю подобие улыбки, но тут же хмурюсь и касаюсь рта пальцами – недавно треснувшая губа ещё не затянулась. Мама недоверчиво глядит на меня, но тоже заканчивает разговор и уходит в кухню.

Мне необходимо подготовить доклад для Бори Альбедро, о времени. Роюсь в своих бумагах в поиске черновика, и на-

тыкаюсь на скрученный ватман, всё ещё затянутый моей резинкой для волос. Рисунок Михеля, о котором я забыла. Не понимаю своих противоречивых чувств, но отодвигаю его в сторону, в очередной раз не раскрывая.

Несколько минут размышляю о задании, покручивая в руке карандаш. Во мне противоборствуют два начала, один настаивает на обращение в сторону философии, а другой отменяет всё известное в пользу собственных мыслей, но побеждает первый. Грифель приятно скрипит о бумагу, когда я записываю свои мысли:

Время, отведённое свыше – это загадочный дар. Представьте себя как песочные часы, наполненные бесконечным песком, но с невидимым механизмом, который неумолимо тикает. В нас есть ощущение бессмертия, но реальность напоминает: каждый миг неповторим. Предопределён ли он высшей силой или просто случайностью? Философы вроде Сонета утверждали, что жизнь коротка не из-за малого количества дней, а из-за того, как мы их тратим. С другой стороны, если время – квантовая вероятность, дарованная «свыше», то наша задача – не растрачивать его зря.

Мы воруют у себя время в рутине, которая маскируется под необходимость. Социальные сети крадут часы под видом «быстрого взгляда». Алгоритмы держат в петле скроллинга, где минута растягивается в пропасть. Прокрастинация – ещё один вор: откладывая важное на «потом», мы обмениваем настоящее на иллюзию будущего, которое так

и не наступит. Как метафора: мы копим монеты времени в банке лени, но инфляция сомнений обесценивает их. В итоге, оглядываясь назад, мы видим пустой счёт – украденные годы, потраченные на сериалы вместо книг, на жалобы вместо действий.

Ещё коварнее – когда мы крадём время у близких, не замечая этого. Бесконечные разговоры о пустом, навязанные встречи или молчаливое игнорирование – всё это отнимает их часы. В отношениях мы часто «забираем» внимание, фокусируясь на своих проблемах, мы забываем, что их время так же ценно. Друзья тратят вечера на наши жалобы, родные – на ненужные митинги. Это не злой умысел, а неосознанность: как паразит, питающийся чужой жизнью, мы истощаем их ресурсы, не давая взамен ничего равного.

Пробуждение и возвращение долга.

Осознание приходит редко, но мощно. Сонета говорил, это происходит в моменты потери, когда часы близкого обнуляются. Тогда мы учимся ценить: делегировать рутину, говорить «нет» мелочам, дарить внимание осознанно. Вернуть украденное нельзя, но можно перестать красть. Жить так, чтобы время свыше стало не проклятием дефицита, а праздником полноты – для себя и других. Ведь в конце песочные часы опустеют для всех одинаково.

Текст вышел легко. Он не творческий, а скорей как изложение. Надеюсь Альбедро устроит такой вариант. Мои руки зудят изнутри. Я просто написала изложение, и внезапно

поймала поток вдохновения. Строки стихотворения...нет, строки песни рождаются под мягкий звук грифеля по бумаге. Я с трудом сдерживаю два порыва одновременно. Мне нужно записать нотацию, пока помню, пока чувствую музыку кожей.

Слышу мамины шаги и судорожно сминаю всё, над чем работала. Тут же хватаюсь за доклад, притворяясь увлеченно читающей. Она заглядывает резко и без стука, заставляя меня нервничать.

– Рада...– мама на секунду смолкает, как будто забыла, что хотела сказать, бегло глядит на меня, поджимает губы. – Извини, ты занимаешься. Выпрями спину.

Можно подумать, я сутулилась, но я села ещё прямее. Обычная мамина проверка, на предмет моей самостоятельности. Недавно я была не аккуратна, и оставила блокнот с нотными записями на обеденном столе, чем подорвала степень доверия.

Подобные вторжения пагубно влияют на мою творческую деятельность, мама распугала всех муз. Откидывая голову назад, я чувствую, как туго натягивается сбитая кожа шеи и недовольно вздыхаю. Я хочу быть другим человеком. Засыпаю и просыпаюсь с одной и той же мыслью всю свою жизнь.

Уникалы и на другой день продолжали работать как щит для меня, забирая на себя всю лишнюю энергию и внимание сверстников. Тавтология ликует, но Рада очень рада! Моя

треснувшая губа никак не может затянуться, ведь под маской я постоянно ношу улыбку.

Хмурый светловолосый Давид покори́л сердца большинства девчонок, а жизнерадостная Ада не оставила равнодушными никого. Девочки хотели с ней дружить, а парни встречаться, но пока ни у кого не хватило ни смелости, ни решительности, и все вздохи оставались за кулисами.

– Рада! Ты помнишь про нашу прогулку после занятий? – Ада без раздумий обняла меня на глазах у всех, как если мы не один год знакомы.

Я только киваю в ответ: раз Сильва уехала, мне не придётся мучиться из-за выбора между ней и новой знакомой. Использую эту возможность, чтобы стать частью жизни Ады. Заметив это, Валерия стиснула зубы и скривила рот – видимо, она главный мой конкурент на роль подружки Уникала.

Ада садится рядом со мной в конце аудитории и с воодушевлением готовится. Меня начинают одолевать вопросы о её учёбе в закрытой школе, об укладе, занятиях и прочем. Сложилось впечатление, что подход наших школ крайне различается.

Одновременно со звонком, Бори Альбе́до делает шаг в кабинет и с грохотом запирает дверь на замок, тут же обводит публику пепельным взглядом, чуть дольше задерживает в моей стороне. Его повышенный интерес списываю на связь с Уникалом Адой, и больше холодное напряжение меня не касается.

– Приветствую всех, кто заинтересован в знаниях, – ледяным тоном произносит преподаватель и проходит к своему столу. – Отдаю особое почтение новым лицам. Для нашего небольшого города прибытие столь важных гостей, всё равно, что Дамилалус второй раз за год.

Преподаватель отвечает небольшой поклон головой в сторону Ады и улыбается, та в ответ озаряет его ослепительной улыбкой. Я нахожусь в легком шоке от такой вежливости со стороны Бори Альбеда, ведь он никогда не приветствовал новеньких настолько официально и вежливо. Обычно его внимание к их персонам заключалось в тотальной проверке базы знаний с обязательным уничтожением, как бы хороши не были твои знания.

В кабинет стучат, и я машинально поворачиваю голову направо – Михель опять опоздал, а ведь он ещё за прошлое не отработал.

Преподаватель усмехается, говорит, какую страницу учебника нам открыть, под шелест листов проходит и отпирает дверь. Я поднимаю голову, но пока не вижу того, кто пришёл.

– Доброго дня, преподаватель Бори Альбеда. Знаю, вы вправе не пускать меня на занятие, – голос не принадлежит Михелю, но кажется знакомым. – Однако моё опоздание чисто техническое. У секретаря вышла заминка с оформлением моей карты.

Высокий старик грациозно отошёл в сторону, как прихватчик, которому сказали верный пароль, что не даёт права

возразить, и демонстративно обвёл аудиторию взмахом руки, приглашая войти.

Моя челюсть отвисла, а брови поползли на лоб, и хорошо, что маска скрывает моё изумление. В кабинет вошёл ещё один Уникал, но совсем другой лиги, ведь он известен многим. Он остановился, вскинув голову и обвёл учащихся мимолетным взглядом. Когда наши взгляды встретились, я перестала дышать, а поняв, куда он направляется, почему-то пришла в ужас. Раньше я не испытывала ничего подобного.

– Позвольте, – преподаватель остановил парня и жестом пригласил к доске. – Пару слов от знаменитого Уникала. Я не ошибаюсь, ваш псевдоним в интернете Левиафан?

По аудитории прошёл рокот, кто не знает его в лицо, наверняка слышали имя. Неужели Бори Альбедро решил провести ему вступительный экзамен, в своей привычной манере?

– Верно, но для друзей просто Стефан, – парень спустился обратно и остановился рядом с Альбедро, сравнившись по росту. – У вас принята публичная речь от новичков?

– Вовсе нет, но правильно подобранные слова отменяют от вашей персоны с пол сотни лишних вопросов в будущем, что значительно экономит время, – улыбнулся Бори и расслабленно сел на краешек стола, скрестив на груди руки. – Расскажите о себе.

Ответив вежливой улыбкой, парень развернулся к нам всем телом, несколько секунд раздумывая над словами.

– Имя я уже назвал, Стефан, и каждый из вас может обра-

щаться ко мне неофициально. Я из Авелии, учился в главной школе Ореמידора, в той самой, где произошёл взрыв. Обсуждать произошедшее я не желаю, это дела правительства, а не творчества, – он говорил спокойно, и старался поймать зрительный контакт с каждым из присутствующих. – Мои способности – пение и писательство.

Он медленно закатал рукава светлой рубашки, и вытянул руки перед собой, чтобы каждый мог увидеть тёмные узоры, протекающие по коже.

Метки или знаки Уникалов скрыть довольно сложно. Писатели и поэты относятся ко второй касте и выделяются красивым узором, проходящим от кистей к предплечью. Переплетения, похожие на древние глифы, значение которых ученые так и не смогли расшифровать. У каждого писателя свой узор, и они совершенно эксклюзивные.

– Замечательно. Ваши таланты, можно подробнее рассказать о них? – продолжал интервью Альбедро.

– Я сочиняю стихи и слагаю песни, здесь нет ничего особенного. Мой талант обычен среди Уникалов.

– Ну тут вы поскромничали. Всем известно, что среди Уникалов-певцов более посредственные это Сирын, а *Сираны* наделены невероятной силой голоса.

Я украдкой гляжу на Аду, и замечаю, как она поджимает губы, отреагировав на нелестное уточнение про певцов. Хотя, по-моему, такое разделение звучит грубо и неправильно, ведь я слышала, насколько сильный у Ады голос.

Стефан улыбается и отрицательно качает головой, выглядывая на преподавателя так, словно тот сказал что-то смешное.

– Такого уровня голоса нужно достигать упорством и трудом не один год, а я просто пою свои песни, – он пожал плечами и спокойно продолжил. – Конечно, я работаю над собой, как мои братья и сёстры по талантам, но это не дано с рождения. Вопреки всеобщему мнению и слухам, достигнуть магической силы голоса, способной подчинять себе, совсем не просто. Мы одарённые, но наши таланты нужно развивать.

Бори Альбедо усмехнулся и поглядел на парня пронзительным взглядом, и мне показалось, что между ними сошёлся незримый диалог.

– Надолго вы к нам?

Парень пожал плечами и поправил красную чёлку.

– До конца учебного года, а там, как повезёт.

– Хорошо, вы можете занять своё место.

Кивнув, Левиафан снова оглядел зал и, заострив на мне внимание, прошёл на место, которое обычно занимает Михель. Внутренне я запротестовала, но не подала вид. Наши места не подписаны, где свободно, туда и садись.

Я ощущаю на себе внимание, и боковым зрением вижу синие глаза Левиафана, изучающего мои руки в перчатках и маску. Его взгляд не такой милый и лучистый как у Ады, напротив, он тяжёлый и угнетающий. В попытках скинуть его

с себя, я оборачиваюсь к Аде, которая, подперев подбородок кулаком, слушает монотонную лекцию Бори. Она замечает меня и отвлекается, мило улыбаясь.

– Вы знакомы с... ним? – шепчу я, и Ада тут же отрицательно качает головой. – Ладно, потом...

Я не решаюсь ответить Уникалу упрямым взглядом, как делаю с остальными, и вынуждена терпеть. Всё-таки, он особенный, к тому же почётный гость, а я местное чудовище, и кто знает, о чём его мысли.

К счастью, скоро он переключился на тему занятия и поразил преподавателя своими глубокими знаниями и блестящими ответами. Строгое лицо Альбедо сменилось на уважительное. Не удивлюсь, если Стефан войдёт в число его любимчиков.

На следующем занятии Левиафан произвел новый фурор, и преподаватель истории неустанно хвалила серьёзный подход Уникалов к обучению. Ада работала как щит и в отношении Левиафана, ведь заметив, что мы близки, он прекратил пилить меня внимательным взглядом.

– Ты серьёзно думала, что все Уникалы знакомы? – рассмеялась Ада, привычно держась моей руки. – Я слышала о нём, но не более. Мы из разных школ.

– Он популярен, – отвечаю я, и вспоминая восторг в лице Сильвы, добавляю. – Влюбляет одним голосом.

Ада прямо на ходу заглядывает мне в глаза, и хитро прищуривается. Неожиданно понимаю, на что она намекает, тут

же поднимаю ладонь вверх и отрицательно жестикулирую.

– Нет, не меня! Моей подруге Сильве очень нравится его творчество.

– А тебе нравится кто-нибудь? – снисходительно улыбается Ада, пытаясь просканировать меня. – Вижу, что нравится. Дай угадаю, тот парень, гитарист с татуировками из бара?!

– Тише, прошу! – я озираюсь, боясь, что её слова о баре услышат.

Глаза Ады округляются, и она останавливает меня неожиданно крепкой рукой.

– Я угадала?!

– Нет, мне нравится другой, – вспомнив краша, он как по волшебству появляется в коридоре.

Он прекрасен. Боги, как же он красив... *Аурелион*, бог солнца и красоты, тебе пора подвинуться, тебя превзошли... Голубые глаза слегка прикрыты непокорной чёлкой, что создаёт загадочную тень. Я боюсь смотреть в его сторону, и стыдливо отвожу взгляд, что не ускользает от внимания Ады.

– Тот блондин?

– Давай не будем обсуждать эту тему. Мне всё равно. Ведь я не как все.

Мои слова звучат отрывками, как и дыхание, до тех пор, пока Лев не проходит мимо и не скрывается за углом.

– Расскажешь мне, что с тобой произошло? Вдруг я могу помочь?

Мы заходим в зал для танцев, и я сбавляю громкость до

шепота.

– Как-нибудь потом.

Сегодня на танцах оживлённо, ведь среди нас три Уникала, двое из которых привлекательные парни. Давид хмуро прислонился к стене, его чёрная рубашка закатана до локтей. Я только сейчас заметила, насколько этот парень подкачан, и рельеф его мышц проступает чёткими линиями как на древних скульптурах божеств. Он внушителен, а вместе с золотистой радужкой глаз и пепельно-белыми волосами создаёт впечатление создания с другой планеты. Его внешность притягательна и пугающая одновременно.

Неподалёку под напором поклонниц, что наперебой сыпали вопросами и перетягивали на себя внимание, стоял Левиафан, или Стефан... я пока не могу для себя решить, как правильно к нему обращаться. В отличие от хмурого и холодного Давида, он, совсем как Ада, был мил и приветлив. С охотой общался и знакомился, а его лицо сияло. Он не врал, когда говорил, что настроен приятельски, но этими неосторожными словами открыл *«Ящик Доратин»*. Ему не дают прохода. Я сравниваю Давида и Стефана, и решаю, что подход первого гораздо разумнее – он отметаёт от себя лишнее внимание.

Мне кажется, или Стефан едва заметно изменился, едва в зал прошли я и Ада? Конечно, мой внешний вид даже у великолепных Уникалов вызывает вопросы. Хоть и не у всех.

– Ада, иди к нам, мы разбиваемся на пары! – позвала по-

друга Валерии, Рита.

В ответ та улыбнулась, прибавила шаг, потянув меня за собой.

– Идём? Ты чего? – почувствовав напряжение, что сковало мои мышцы, Ада нахмурилась.

– Я обычно не в паре. Ты иди, с удовольствием посмотрю, как ты танцуешь, – я осторожно сняла с себя руку Ады и улыбнулась глазами.

Мой особый навык, что отработан в совершенстве. Ведь из-за ожогов губы постоянно сохнут и трескают, они не эластичные, а мне приходилось общаться с людьми, что видели только мои глаза. Верхняя часть лица у меня подвижная и эмоциональная, я могу взмахом брови как пригрозить, так и сказать пару ласковых.

Заняв свое место на скамейке в углу зала, я с интересом наблюдала за теми студентами, кого успела узнать и выучить их характеры. Они менялись, лицемерили и совсем не походили на себя прошлых. Всем хотелось выглядеть в глазах Уникалов лучше, чем на самом деле. Забавно, но я и себя поймала на подобном. Мне удобна позиция «за Адой» и я не отталкиваю её, а стараюсь сблизиться.

Сегодня аншлаг, или звезды сошлись, но на танцы пришли все, кто мог, и даже Михель, что всегда прогуливал. Сначала я заметила вошедшего Льва, что как всегда сиял своей безупречностью – в походке, жестах, взгляде, идеально сидящей форме, а вслед за ним равнодушного бунтаря.

Он лишил меня возможности втайне поглазеть на краша, и сразу направился в мою сторону.

– Привет, – кинул он, снимая объёмные наушники. – Выбрала пару?

– Нет, я не танцую.

– Тогда зачем посещаешь занятие? – он смотрит на меня в упор, а я хмурю брови. – Или это ещё один из твоих скрытых талантов, что ты прячешь от всех?

Мне становится резко жарко, и потом также резко холодно, от его разоблачающих слов я теряюсь. Он не отводит взгляд, и мне становится плохо, я бледнею.

– Ты чего? Я пошутил, все знают, что у тебя одна нога короче другой, – его голос насмешлив, как и серые с прищуром глаза. – Если хочешь, я подыграю тебе.

Совсем не понимаю, что он имеет ввиду, и где та грань, когда он шутит или серьёзен. И вообще, какое право он имеет делать мне замечание? Сам регулярно занимается чем угодно, но не лекциями, которые посещает! Я собираю в лёгкие побольше воздуха, и формирую словесную мораль на тему «отвали», но входит преподаватель танцев, и не скрывая восторга протягивает:

– Святая Тихе! Когда мои уроки стали настолько популярны? Верно говорят, Уникалы это свет нашего мира! От себя добавлю, что ещё и магнит для развития талантов! Что ж, не будем терять время понапрасну, и приступим! Закрепляем пройденное, и начинаем готовиться к празднику, что орга-

низует школа ко «Дню Клятвы Сердец».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.